

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

**Русские безударные гласные после мягких согласных в абсолютном
конце слова: история и современное состояние (фонологический аспект)**

основная образовательная программа магистратуры по направлению
подготовки 45.04.02 «Лингвистика»

Исполнитель:

Обучающийся 2 курса
Образовательной программы
«Теория и история языка и языки народов Европы»
Профиль: «Теория языка. История лингвистики.
Сравнительная поэтика»

очной формы обучения
Спиричева Маргарита Вадимовна

Научный руководитель:
д.ф.н., проф. Попов М. Б.

Рецензент:
д.ф.н., в. н. с. Бурыкин А. А.

Санкт-Петербург
2018

Оглавление

Введение.....	2
Глава I. Теоретические предпосылки к решению вопроса о наборе гласных, возможном в заударных словах после мягких согласных.....	6
§ 1. Иканье как синхронический закон.....	6
§ 2. Роль морфологической аналогии.....	10
§ 3. Обращение к данным истории языка при описании современного состояния.....	19
§ 4. Тенденции развития подсистемы безударного вокализма.....	21
Выводы.....	22
Глава II. Предыстория современного состояния.....	23
§ 1. Развитие подсистемы безударного вокализма.....	23
§ 2. Свидетельства о произношении XIX–XX веков.....	25
§ 3. Проблемы интерпретации письменных памятников.....	27
§ 4. Хронология изменений в заударных положениях.....	32
Выводы.....	40
Глава III. Исследование современного состояния с помощью экспериментальных методов.....	42
§ 1. Методы, использовавшиеся при изучении заударного вокализма.....	42
§ 2. Проведение эксперимента.....	49
Выводы.....	63
Заключение.....	65
Использованная литература.....	67
Приложение 1.....	73
Приложение 2.....	74
Приложение 3.....	80

Введение

Одним из нерешенных вопросов современного русского вокализма является вопрос о том, какие гласные фонемы противопоставлены в позиции ауслаута после мягких согласных. Существует два подхода к его решению:

а) все заударные гласные после мягких согласных трактуются как /i/, т.к. для современного русского литературного произношения характерно иканье. В этой позиции противопоставлены только фонемы /i/ и /u/.

б) в заударных слогах после мягких согласных противопоставлены фонемы /i/, /e/, /a/, /u/, и в этом ведущую роль играет морфологический фактор.

Важно отметить, что установка о ведущей роли морфологического фактора встречается в работах представителей разных фонологических школ. В рамках Московской фонологической школы (далее – МФШ) вопрос влияния морфологии рассматривается по отношению к реализации фонемы, то есть по отношению к качеству звука.

В данной работе проблема будет рассматриваться с позиций Щербовской фонологической школы (далее – ЩФШ).

Вопрос о наборе фонем, возможных в предударных позициях, тоже вызывает споры. Считается, что современное литературное произношение характеризуется аканьем после твердых согласных и иканьем после мягких согласных, при этом аканье и иканье понимаются как неразличение фонем неверхнего подъема (/a/ и /o/ после твердых согласных, /o/, /a/, /e/ и /i/ после мягких). Дискуссионной является трактовка фонем /o/, /e/, /a/ в предударных позициях в некоторых словах: заимствованиях вроде *боа́*, аббревиатурах вроде *ООН*, местоимениях (*он, я: он вышел /on-višal/, я вышел /ja-višal/*), союзах (*но, что, чтобы*) и частицах (*хоть*).

Вопрос о количестве гласных фонем, возможных в заударном положении после мягких согласных является более проблематичным в том

отношении, что того или иного решения зависит описание более высоких уровней языка: от количества фонем зависит количество алломорфов у морфем, что, в свою очередь, может влиять на характер парадигмы. Например, если исходить из установки на иканье, приходится признать омонимию многих форм: так, омонимичными окажутся формы И. п./ В. п., Р. п. и П. п. ср. р. с безударными окончаниями *поле, поле, поля* – /pɔl'i/).

Сторонники действия морфологической аналогии понимают ее механизм по-разному: предполагается как аналогия с ударным вариантом, так и аналогия с твердым вариантом. При этом в разных трактовках может различаться и количество фонем, которые выступают в позиции благодаря действию аналогии, а также количество морфем, в которых это влияние происходит. Например, М. В. Панов пишет только о возможности реализации /a/ в заударных флексиях, тогда как Л. Л. Буланин указывает на сохранение не только /a/, но и /e/ во флексиях и суффиксах.

Таким образом, решение вопроса о количестве гласных в заударных позициях после мягких согласных является **актуальным**, так как от него зависит описание не только фонологической системы, но и грамматики современного языка в целом.

При описании современного вокализма иканье и морфологический фактор обычно рассматриваются с точки зрения синхронии. История изменений, которые привели к современному состоянию, либо не берется во внимание, либо изменения, которые могли привести к современному состоянию, учитываются не полностью.

Новизна работы заключается в обращении к данным истории языка для построения адекватной гипотезы о современном состоянии, а также в экспериментальной проверке этой гипотезы.

Целью исследования является установление набора фонем, которые могут противопоставляться после мягких согласных в заударных позициях.

Достижения указанной цели предполагает выполнение следующих **задач**:

1. Критически рассмотреть априорные предпосылки к трактовке современного заударного вокализма;
2. Установить последовательность изменений, которые привели к современному состоянию;
3. Разработать эксперимент, результаты которого могли бы показать, какие фонемы противопоставляются в заударных позициях.
4. Провести эксперимент и дать фонологическую интерпретацию его результатов.

Для решения этих задач используются сравнительно-исторический и экспериментальный методы.

Гипотеза: в настоящее время в заударных положениях после мягких согласных различаются /a/, /i/ и, возможно, /e/. Морфологическая аналогия оказывала влияние на изменение и сохранение этих гласных на разных этапах истории развития языка.

В данном исследовании мы рассматриваем гласные только в абсолютном конце слова, что объясняется не только стремлением к разумному ограничению материала, но и некоторыми особенностями ритмического строения открытых конечных слогов.

Как известно, одной из особенностей литературного произношения, отличающей его от диалектных систем, является особое ритмическое строение слова: длительность гласного ударного слога превышает длительность безударных слогов, при этом длительность первого предударного слога больше, чем длительность остальных предударных слогов. Эти отношения были описаны в работе [Потебня 1866 : 66], где была выведена формула ритмического контура слова: 1-2-3-1 (3 – длительность ударного слога, 2 – длительность первого предударного слога, 1 – длительность остальных слогов). В диалектах возможны другие виды ритмического контура [Высоцкий 1973].

Со временем эта схема была уточнена: во-первых, современные фонетисты отмечают, что гласные в предударных неприкрытых слогах (в

начале слова или после гласного) имеют ту же длительность, что и гласные первого предударного слога; во-вторых, что более важно для данной работы, гласные конечного открытого слога синтагмы являются более долгими, чем в закрытых заударных слогах и так же приближаются по длительности к гласным первого предударного слога [Князев, Грамматчикова 2014 : 124].

Сторонники влияния морфологической аналогии на заударный вокализм указывают на сохранение гласных /a/ и /e/ прежде всего в позиции конечного открытого слога. Например, С. В. Князев и С. Д. Пожарицкая указывают, что сохранение переднего гласного (обозначаемого ими как [ъ]) после мягких согласных возможно только в открытых конечных слогах [Князев, Пожарицкая 2011 : 245].

В работе рассматривается только вокализм после парных по твердости /мягкости согласных, так как после непарных мягких согласных (/č/, /š':/, /j/) гласные могли претерпевать иные изменения. Вокализм после непарных согласных часто описывается как отдельная подсистема.

Особое внимание уделено проблемному случаю: окончанию И. п. / В. п., ср. р. для которого сторонники действия морфологической аналогии предполагают наличие разных фонем — /e/ или /a/.

Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-18-02042

Глава I. Теоретические предпосылки к решению вопроса о наборе гласных, возможном в заударных слогах после мягких согласных

§ 1. Иканье как синхронический закон

В ряде работ иканье рассматривается как синхронический фонетический закон, действующий в настоящее время без исключений и допускающий только произношение [i] в безударных слогах после мягких согласных.

Так, в работе [Бондарко, Вербицкая 1973] экспериментально проверяется набор гласных фонем, возможный во флексиях. Исходная гипотеза для проведения эксперимента формулируется следующим образом: «Фонетически здесь [в окончаниях слов *красные, Васе, поле, курице*] должен быть гласный *i* (*ы*), так как для безударных позиций употребление гласного *e* литературному произношению не свойственно. Однако существует мнение, что именно в перечисленных случаях морфологическая аналогия пересиливает фонетические правила и сохраняет *e*-образное качество гласного» [Бондарко, Вербицкая 1973 : 39]. Невозможность появления гласного /e/ в безударной позиции и соответственно наличие на месте старого /e/ фонемы /i/ (иканье) рассматривается здесь как «фонетическое правило», однако это правило выводится до того, как были проанализированы все позиции, то есть получается логический круг.

Исследователи приходят к выводу, что в заударных окончаниях после мягких согласных отсутствует различие фонем. Однако появление в этих позициях фонем /a/ и /e/ под действием аналогии все же допускается, но как нечто противоречащее «фонетическому правилу» и не являющееся нормой: «Роль морфологической аналогии заключается, видимо, в том, что она обеспечивает потенциальную возможность произнесения в фонетически запрещенной позиции гласного, реализующегося обычно в соответствующих морфологических формах под ударением; бесспорно, что в настоящее время

каждый носитель литературного русского языка может произнести слова *дыня*, *поле* и т.д. как [dɨn'a], [pɔl'e], однако в реальном потоке речи эта потенциальная возможность реализуется, видимо, достаточно редко» [Бондарко, Вербицкая 1973 : 49].

В некоторых работах иканье рассматривается как фонетический закон, из которого возможны исключения. Например, в пособии [Богданова 2009] встречается рассуждение о наличии исключений из звукового закона, указываются служебные слова (*чем*, *тем*) и заимствования вроде *алоэ*, *анданте*, *эквилибрист*, в которых возможна фонема /e/. При этом вопрос о статусе гласных после мягких согласных в заударных слогах не поднимается, а в приводимых примерах фонематической транскрипции гласные после мягких согласных транскрибируются как /i/: не только /v-m'ir'i/ в *мире*, но и /rɔmn'it/ *помнят* [Богданова 2009: 42].

При трактовке спорных случаев кажется сомнительной возможность ориентации на закон, допускающий исключения, так как само по себе наличие «исключений» указывает на возможность противопоставления. С диахронической точки зрения это говорит о том, что само звуковое изменение, давшее синхронический «фонетический закон», уже завершилось. После завершения звукового изменения возможно появление заимствований, содержащих старую фонему в позиции, в которой она прежде подвергалась изменению. Например, о том, что изменение /e/>/o/ завершилось к XVI веку, свидетельствует появление заимствований вроде *аптека*, в которых /e/ находится перед твердым согласным, т. е. в позиции, в которой происходило изменение. Кроме того, после завершения звукового изменения его первоначальные результаты могут преобразоваться из-за разного рода аналогических (морфонологических) выравниваний: например, гласный /o/ «незакономерно» возникал на месте старого /e/ перед мягким согласным в формах вроде *берёзе* благодаря аналогии с формами, в которых этот гласный выступал перед твердым согласным (*берёза*, *берёзы*, *берёзу*).

Приведенные выше примеры «исключений» из «иканья» касаются фонемы /e/ в безударном положении. Нужно отметить, что и фонема /a/ встречается в безударных позициях после мягких согласных, а именно на стыках слов, где первое слово оканчивается на твердый согласный, а второе начинается с /a/ (*хоть один* /хот' ad'in/) [Попов 2014 : 148]. Положения на стыках слов редко анализируются в лингвистической литературе, хотя именно в этих позициях выявляется неавтоматичность фонемных изменений, которые рассматриваются как «фонетическое правило», «синхронический закон» (ср.: «Как известно, после мягких согласных безударное *a* должно чередоваться с *i*, но в окончаниях существительных с мягкой основой фонетисты находят скорее *a*-образный, чем *i*-образный звук, который обозначается как гласный заднего ряда (ъ)» [Бондарко, Вербицкая 1973 : 43]). Возможность появления /a/ после мягкого согласного на стыках слов показывает, что положение в безударном слоге после мягкого согласного не является для этой фонемы «запрещенной позицией» и не существует «фонетического правила», которое бы автоматически заменяло /a/ на /i/ в безударной позиции после мягких согласных.

Согласно принципам структурной лингвистики, выведение закона в синхронии производится на основе регулярности. В данном случае регулярным является определенный набор гласных и регулярность чередований в составе ударной и безударной морфемы. В большинстве слов, не являющихся недавними заимствованиями, фонемы /e/ и /a/ не встречаются в предударных позициях. В корнях и приставках чередуются /e/ под ударением и /i/ в безударной позиции, а также /a/ под ударением и /i/ в безударной позиции. Чередования в заударных позициях могут быть выявлены только после того как определен набор фонем. Таким образом, построенный на основе регулярности в предударных позициях закон не может служить опорой для анализа заударных положений.

Существуют подходы к пониманию иканья, в которых оно не рассматривается как синхроническое фонетическое правило. В работах по истории языка иканье рассматривается как тип безударного вокализма, который сложился в результате ряда фонемных изменений – совпадения /e/ и /i/ в /i/ [Колесов 2009 : 135-136]. В определение иканья следовало бы включить диахронический момент и понимать его как тип вокализма, характеризующегося неразличением этимологических гласных неверхнего подъема (/e/, /o/, /a/) при совпадении их с /i/ в безударных слогах после мягких согласных. Важно отметить, что в говорах, легших в основу литературного языка, фонемы /e/, /o/, /a/ сначала (еще до иканья) совпали в /e/ в результате развития эканья. Иканье же как особенность вокализма возникло уже из эканья в результате совпадения /e/ (из древних /e/, /o/, /a/) с /i/, т. е. /e/ > /i/. Такой механизм последовательности развития иканья не предполагает прямого перехода /a/ > /i/.

В работах по диалектологии при определении типа вокализма обычно имеется в виду набор фонем в позиции первого предударного слога: именно в этой позиции наблюдаются наиболее характерные различия для разных говоров. В частности, виды аканья и яканья разграничиваются по принципам строения первого предударного слога.

Так как основные изоглоссы проводятся именно по типу вокализма в первом предударном слоге, внимание ученых было сосредоточено именно на нем. Заударный вокализм говоров (в том числе в работах по исторической диалектологии) остается изучен в меньшей степени. В описаниях говоров можно встретить указание на влияние морфологии в заударных позициях [Аванесов 1949 : 116], [Русская диалектология 1964 : 67], хотя иногда встречаются и указания на заударное иканье, эканье, яканье. При этом принцип вокализма для предударных позиций может не соответствовать принципу вокализма в заударных позициях. Например, для псковского диалекта XV в. восстанавливается предударное эканье и заударное яканье.

Таким образом, обозначение типа безударного вокализма как иканья/еканья/яканья обычно отражает особенности вокализма первого предударного слога и не обязательно подразумевает наличие единого принципа для предударного и заударного вокализма. Заударный вокализм диалектных систем также заслуживает отдельного изучения.

§2. Роль морфологической аналогии

Сторонники этого подхода (М.В. Панов, Л. Л. Буланин и др.) указывают на аналогическое влияние ударных гласных флексий на безударные гласные тех же флексий и/или на влияние гласных твердой разновидности флексий на гласные мягкой разновидности. Предположение о влиянии морфологической аналогии на заударные гласные после мягких¹. согласных встречается уже в работах [Корш 1902] и [Шахматов 1941 (1925)]

Морфологическая аналогия в традиционном ее понимании подразумевает изменение фонемного состава флексий и окончаний. Однако встречаются и другие взгляды на морфологическое влияния. Например, В. Б. Касевич допускает влияние морфологии, которое является только психологическим и не вызывает фонемных изменений: «Даже у неграмотного носителя языка фонологическая система испытывает влияние со стороны морфологии и морфонологии, что выражается в «накладках» на собственно фонологические отождествления-различия, свойственные носителю языка» [Касевич 2006 (1983) : 57]. В работах, о которых пойдет речь, рассматриваются именно «собственно фонологические» отношения, т. е. возможность противопоставления фонем в заударных позициях в составе морфем. Из работ, написанных в рамках МФШ (согласно принципам которой

¹ Е.Д. Поливановым было высказано интересное предположение о возможности произнесения /o/ в грамматических окончаниях и после твердых согласных: масло /máslɔ/ как /v'ínó/ [Поливанов 1933 : 44-45]. Однако возможность влияния морфологии на вокализм после твердых согласных почти не поднимается в лингвистической литературе.

фонемы не автономны от морфем), будут рассмотрены те, которые предполагают влияние морфологии на изменение реализации гласного.

Также влияние морфологической аналогии обычно подразумевает изменение фонемного состава слова как единицы словаря, а не наличие «потенциальной возможности» произнесения фонемы, выступающей в данной морфеме под ударением. Ср. допущение Л. В. Бондарко и Л. А. Вербицкой: «Роль морфологической аналогии заключается, видимо, в том, что она обеспечивает потенциальную возможность произнесения в фонетически запрещенной позиции гласного, реализующегося обычно в соответствующих морфологических формах под ударением» [Бондарко, Вербицкая 1973 : 49].

Принцип действия аналогии понимается по-разному. Часть исследователей указывает на аналогическое влияние ударных морфем, часть – на выравнивание по аналогии с твердым вариантом склонения (при этом в первых действие аналогии описывается скорее в синхронии, а во-вторых – исключительно в диахронии). Также существуют работы, в которых предполагаются оба типа морфологического влияния – сохранение по аналогии с ударным вариантом для одних случаев и выравнивание для других ([Корш 1902]).

Влияние ударного варианта морфемы

Влияние ударных морфем на заударный вокализм описано в работах [Корш 1902], [Буланин 1970], [Панов 2004 (1957)]. При этом наблюдаются разные взгляды на сам механизм морфологической индукции:

1) Аналогия с ударным вариантом окончания «задерживает» действие фонетических изменений, благодаря чему в заударных позициях сохраняются старые гласные неверхнего подъема (/a/, /e/).

2) В некоторых флексиях происходит «выравнивание» гласных в соответствии с ударным вариантом уже после закономерного завершения фонетического изменения.

В работах учитывается роль фонемных изменений: М. В. Панов использует такие формулировки, как «подстановка звука» [Панов 2004 (1957) : 479], Л. Л. Буланин пишет о тенденции к утрате различия фонем /e/ и /i/ [Буланин 1970 : 111]. Однако эти работы остаются синхроническими в том смысле, что в них не рассматривается вопрос о хронологии вызванных влиянием морфологии изменений (или их отсутствия) относительно других процессов, происходивших в языке, т. е. относительной хронологии. Морфологический уровень понимается как набор некоторых правил, которые противостоят фонетическим изменениям (которые в сущности также понимаются синхронически, т. е. как ряд действующих в настоящее время фонетических правил).

Рассмотрим эти точки зрения.

1. Аналогия с ударным вариантом окончания «задерживает» действие фонетических изменений.

Эта идея встречается уже в [Корш : 1902]. О гласном /a/ в заударных позициях Ф. Е. Корш замечает следующее: «После мягких эта гласная устойчива чуть ли не исключительно там, где она поддерживается грамматической аналогией» [Корш 1902 : 60]. Приводятся примеры *дядя*, *дача*, а также образованное от деепричастия наречие *пóходя*. Произношение /a/ сохраняется вопреки «фонетическому правилу», по которому на месте графического **я** произносится [e].

Таким же образом Л. Л. Буланин указывает на сохранение гласных /e/ и /a/ в окончаниях и суффиксах: «Безударное *a* может встречаться только в заударных слогах и в абсолютном конце слова, причем почти исключительно в грамматических морфемах – суффиксах и окончаниях» [Буланин 1970 : 111]. Для безударного /e/ он указывает не только положение в суффиксах и окончаниях, но и в некоторых корнях, например, *память* и *тысяча* (при этом не совсем понятно, конечный ли это список слов). При этом Л. Л. Буланин указывал и на тенденцию к утрате различия /e/ и /i/.

Такое объяснение сталкивается с рядом проблем. В частности, проблемным является окончание И. п. ед. ч. ср. р. (*поле, море, горе, вече*). Нельзя сказать, что фонема /e/ «сохраняется» в нем по аналогии, так как в ударном варианте окончания этот гласный не встречается (*плечо* /pl'ič'o/, *кольцо* /kal'so/, *копье* /кар'jo/). Исключением являются слова *житие* и *бытие*, которые являются заимствованиями из церковнославянского языка, где перехода /e/>/o/ не происходило, однако данные слова не могли стать основанием для действия морфологической аналогии в силу низкой частотности и наличия соотносимых с ними русских слов *житьё* и *бытьё*, которые сами могли влиять на формы *житие* и *бытие* (ср. просторечные огласовки *житиё* и *бытиё*)².

Опираясь на точку зрения, что морфологическая аналогия может замедлять фонетическое изменение, стоило бы признать, что в формах И.-В. п. слов ср. рода фонетические изменения ничем не задерживались и транскрибировать окончание данных форм как /i/. Однако Л. Л. Буланин приводит форму И.-В. п. слов ср. рода как пример сохранения фонемы /e/ в окончании [Буланин 1970 : 110]. Л. В. Бондарко и Л. А. Вербицкая, констатируя наличие точки зрения, что аналогия с ударным вариантом морфемы удерживает е-образное звучание гласного, также приводят в пример форму И.-В. (*поле*)³ [Бондарко, Вербицкая 1973 : 39].

Представление о морфологическом влиянии на сохранение /e/ в данных формах возникло из-за орфографии: формы И. п. / В. п. ср. р., как и формы П. п. ср.р., содержат графему е, но если для формы П. п. графема е, обозначающая безударный гласный, соответствует фонеме, содержащейся в

² Еще одним словом среднего рода с ударным окончанием является *дитя*, однако оно тоже не рассматривается, так как имеет аномальное склонение. Кроме того, оно и само может подвергаться влиянию 1 склонения. Ср. *дитё, дитя, дитю*.

³ см. цитаты выше

ударном варианте, то в случае формы И. п. / В. п. ср. р. этого соответствия нет⁴.

Любопытно, что сам Л. Л. Буланин, критиковал подмену морфологии орфографией в работах, предлагавших разную транскрипцию для орфографических **и** и **е** – соответственно [и] и [и^э] [Галкина-Федорук, Горшкова, Шанский 1962 : 193-194], [Гвоздев 1967 : 34]. Л. Л. Буланин указывал на случаи, в которых **е** можно транскрибировать как [и^э] только исходя из орфографии: исконные слова, в которых безударный гласный, обозначаемый графемой **е**, никогда не попадает под ударение (например, *телега*) («морфо(но)логически изолированная», «абсолютно слабая» позиция), а также заимствования (например, *секрет*)⁵. Однако если применительно к корням слов он призывает к отказу от ориентации на орфографию, для заударных позиций он допускает такую возможность, подразумевая, вероятно, что русская орфография основывается в том числе на морфологическом принципе: «Очевидно, для того, чтобы дать объективную картину безударного вокализма после мягких согласных, следует отказаться от ориентации на орфографию, по крайней мере применительно к корням слов. (Произношение заударных гласных в грамматических морфемах <...> до известной степени регулируется морфологическими факторами)» [Буланин 1970 : 115].

⁴ В данном случае обсуждается только объяснение Л. Л. Буланиным причин, по которым в этих формах выступает /e/. Произношение /e/ в данной позиции действительно отмечается фонетистами [Князев, Пожарицкая 2011 : 245], но появиться оно могло под влиянием орфографии (или по каким-то другим причинам), а не вследствие аналогии с ударным альтернантом. Вопрос о влиянии орфографии на формирование петербургского произношения и влияние его на современную произносительную норму будет рассмотрен в Главе II.

⁵ В работе [Князев, Пожарицкая 2011] также поднимается проблема гласных /a/ и /e/ в позициях, в которых они никогда не попадают под ударение, однако в данном случае рассматривается возможность произношения [e] и [a] под влиянием орфографии, а не исследовательские подходы к транскрипции

Ориентироваться орфографию некорректно в силу ее традиционности: орфография не отражает фонемные изменения, которые происходили после ее кодификации.

2. Другой механизм влияния морфологической аналогии подразумевает выравнивание фонемного состава морфем.

Эта идея разрабатывается в ряде работ представителей МФШ ([Панов 2004 (1957)], [Гловинская, Ильина, Кузьмина, Панов 1971], [Кузьмина 1966])

Морфология противостоит иканью, которое понимается как синхроническое фонетическое правило: «Известно, что после мягких согласных в заударной части слова, если действие фонетических факторов не осложняется иными влияниями, закономерно произнести гласный [ь] (верхне-верхне-среднего подъема, переднего или передне-среднего ряда), и в закрытых слогах: *вы*[св'ьрл'ьн], и в открытых: *вы*[п'ьл'ьл'ь]» [Панов 2004 (1957) : 482].

Влияние морфологии заключается в унификации реализаций фонем <a> и <o> (как известно, в рамках МФШ фонема определяется по сильной позиции, а для гласных это положение под ударением): в соответствующих безударных вариантах морфем реализуется непредний гласный [ь]. При этом данный механизм по каким-то причинам не распространяется на морфемы с фонемой <e> (ударные варианты которых содержат [e]): в этих морфемах реализуется передний гласный [ь]. «Иначе говоря, фонема Е в заударном положении всегда представлена звуком [ь]. Только в том случае, если неударный вариант фонемы чередуется в той же морфеме с ударным («основным») вариантом [’а, ’о], возможна подстановка звука в заударной части слова. Или, говоря другими словами, только фонемы А и О допускают морфологическое влияние в безударной флективной морфеме» [Панов 2004 (1957): 482].

Унификация реализаций «московской» фонемы <a> происходит в форме И. п. ж. р. (слово *воля* транскрибируется как [вол'ь]).

Унификация реализации фонемы <о> происходит, в частности, в форме И. п. / В. п. ср. р.: [пол'ъ]. Таким образом находится решение для случая, который является проблемным при первом подходе.

О непереднем гласном [ъ] как реализации фонемы <о> пишут и современные последователи МФШ [Князев, Пожарицкая 2011 : 245, 324]. При этом исследователи отмечают, что различие [т] и [ъ] в современном языке сохраняется только в конечном открытом слоге перед паузой (в качестве примера приводятся формы И.п./В.п. и П. п. слова *поле*) [Князев, Пожарицкая 2011 : 324], а также указывают на высокую вариативность произношения и допускают появление переднего гласного [ъ] в формах с этимологическим /а/, а также гласного [е] в форме И. п. / В. п. [Князев, Пожарицкая 2011 : 245].

Важно отметить, что и сам М. В. Панов писал о возможности реализации переднего гласного в форме И.-В. п. ср. рода, но не считал это произношение господствующим: «Иначе говоря, наш слух обладает силой избирательности. Он отмечает то, что несвойственно нашей речи. Поэтому можно тысячи раз слышать произношение [п'ол'ъ] (именительный падеж) и не замечать его; услышать десять раз произношение [п'ол'ъ] (тот же именительный падеж) — и внимание на нем остановилось, отметило его. Готов вывод: господствующим сейчас становится произношение [п'ол'ъ], вывод совершенно неправильный. Это — медвежья услуга избирательности нашего слуха. Она мешает правильно отмечать господствующее, типичное в произношении» [Панов 2004 (1957) : 480]. Не совсем ясно отношение к варианту с передним гласным: считает ли М. В. Панов его архаизмом или инновацией: с одной стороны, он указывает, что вариант с передним гласным [ъ] *становится* господствующим, с другой стороны – что непередний гласный [ъ] «*подставляется*» в окончание И.п./В.п. ср. р..

Итак, ученые, отстаивающие точку зрения о влиянии морфологии на заударный вокализм, предполагают разный набор фонем в этих позициях:

- Ф. Е. Корш отмечал, что в ряде случаев нет совпадения старых фонем /e/ и /a/ с /e/. О сохранении /e/ еще речи не идет, так как московское иканье еще не стало нормой литературного языка.
- Л. Л. Буланин писал о сохранении и соответственно о противопоставлении /a/ и /e/. При этом признает наличие /e/ в позиции И. п. / В. п., что нельзя объяснить аналогией с ударным гласным.
- М. В. Панов предполагает появление /a/ в ряде форм, но не допускает сохранения /e/.

Влияние твердого варианта склонения

В работах [Шахматов 1941 (1925)], [Булаховский 1958], [Аванесов 1949], [Корш 1902]⁶ высказывается предположение, что на изменение фонемного состава морфем оказывает влияние аналогия с твердым вариантом склонения. При этом морфологическое влияние рассматривается в диахроническом аспекте.

В представлении А. А. Шахматова морфологическая аналогия являлась причиной появления переднего гласного в формах с этимологическим /a/, а также в И. п. / В.п. ср. р.

А. А. Шахматов рассматривал иканье как редукцию всех безударных гласных, которая приводила к появлению после мягких согласных краткого переднего звука, обозначенного им как ε [Шахматов 1915 : 330-343]. Морфология противодействует этому изменению, не давая словам «закономерно» развить в этой позиции ε. При этом действие морфологического фактора, по мнению А. А. Шахматова, проявилось до того, как произошла редукция безударных гласных: по аналогии с твердым вариантом флексии в мягких вариантах выступал не передний гласный, который в результате действия редукции должен был превратиться в ε, а

⁶ Исследования истории русского языка, в которых затрагивается вопрос о действии морфологической аналогии, будут рассмотрены в Главе II.

более задний гласный, который превращался в α ⁷. В формах *баня, воля* по аналогии с *нога, вода* вместо переднего предполагаемого *ä* выступал *a*, в формах *горе, поле* по аналогии с *село, число* вместо *ö* выступал *o* [Шахматов 1941 (1925): 118].

Л. А. Булаховский, Ф. Е. Корш и Р. И. Аванесов объясняют влиянием твердого склонения только появление переднего гласного на месте этимологического /e/, причем они восстанавливают разную относительную хронологию изменений.

Л. А. Булаховский, по всей видимости, предполагал, что выравнивание произошло до развития аканья: «В некоторых морфологических категориях, как напр., в им. п. ед. ч. средн. р. море, поле, произношение мор^{бэ}, пол^{бэ}, говорит о промежуточной стадии – «мор^{бо}, пол^{бо}», отражающей влияние параллельного твердого склонения; ср. дело, сено и под.» [Булаховский 1958 : 101].

Р. И. Аванесов и Ф. Е. Корш полагали, что изменение по аналогии происходило уже после развития аканья.

Р. И. Аванесов отмечает наличие гласного [ъ] в формах И. п. / В. п и Т. п. (причем не только в московском произношении, но и в ряде среднерусских говоров) и предполагает, что это явление «имеет глубокие исторические корни» [Аванесов 1949 : 120]. Он отмечает, что морфемы, содержащие [ъ], имеют твердый вариант с [ъ] и ударный вариант с [o]. «Итак, под влиянием сел^{ом} – д^{ельм} появляется кон^{’ом}, а затем в заударном слогe з^{’ат’ъм} (по говорам и з^{’ат’ам}, как делам); под влиянием бол^{’ном} – ст^{аръм} появляется пр^{эжн’ъм} (по говорам и пр^{эжн’ам}, как ст^{арам})» [Аванесов 1949 : 120]. Р. И. Аванесов не останавливается на относительной хронологии изменений, но указание на влияние форм с [ъ] или [a] свидетельствует о том, что в его представлении изменение по аналогии происходило уже после совпадения /o/ и /a/ с /a/.

⁷ В современной транскрипции этому звуку соответствует [ъ]

Подобную точку зрения высказывал и Ф. Е. Корш: «Конечное е среднего рода превратилось в неопределенный звук вследствие того, что мягкое склонение (на е) преобразовалось по твёрдому (на о)» [Корш 1902 : 67]. Опять же, указание на превращение /е/ в «неопределенный звук» подразумевает, что изменение произошло уже после развития аканья.

Таким образом, необходимо установить, в какой момент происходило влияние морфологической аналогии, какова хронология этого изменения относительно развития аканья и иканья.

Ограничения на морфемы, в которых действует аналогия

По наблюдениям исследователей, морфологическая аналогия с ударным гласным /о/ по каким-то причинам не вызывает изменений

- 1) в глагольных формах глаголов 1 спряжения: в окончании форм вроде *дремлет, дремлем* (несмотря на наличие /о/ в ударном варианте – *идёт /id'ot/, идём /id'om/*) [Аванесов 1949 : 119].
- 2) в окончаниях прилагательных Р. п, Д. п. П. п. ж. р.: *дочерней* (несмотря на наличие /о/ в ударном и /а/ в твердом вариантах – *молодой*).

Пытаясь объяснить причины отсутствия предполагаемой «подстановки» переднего гласного в этих позициях, М. В. Панов выводит ряд условий, при которых возможно выравнивание по аналогии с ударным вариантом склонения. Однако появление таких «исключений», как и в случае с исключениями из «синхронического закона», должно объясняться особенностями протекания изменений, т. е. с точки зрения диахронии.

§ 3. Обращение к данным истории языка при описании современного состояния

Обращение к языковым данным более раннего времени есть в работах [Панов 2004 (1957)] и [Кузьмина 1966]. Однако они ограничиваются описаниями языка начала и середины XX века, не углубляясь в более ранние эпохи. По всей видимости, это обусловлено тем, что ученые обращаются

только к наблюдениям над звучащей речью, не прибегая к интерпретациям памятников письменности.

Б. И. Осиповым и его коллегами наряду с изучением современного состояния [Осипов, Николенко 1972] проводился анализ памятников XV-XVIII веков [Осипов, Батырева, Сухоцкая 1992], однако это производилось в не связанных друг с другом работах.

В работе [Осипов, Николенко 1972], посвященной экспериментальному исследованию возможности различения фонем в заударных положениях в СРЯ, также затрагивается вопрос об ожидании переднего гласного в ряде форм. Причем основанием этих ожиданий является не синхроническое фонетическое правило, а восстанавливаемая последовательность звуковых изменений: «Одним из неясных моментов фонетики заударных гласных является вопрос о гласном, появляющемся во флексиях с соответствующим ударным [ó]: отцом – чужеземцем, плащом – товарищем и т. п. Исторически теперешним гласным этих флексий предшествовал ь, давший затем [э], которое в ударном положении перешло в [ó], а в безударном, редуцируясь, должно было бы дать после мягких [и^э] или новый [ь], а после твердых – более задние оттенки фонемы [э] – [ы^э] или [ь^б]. В свою очередь, при переходе к иканию на месте оттенков [э] должны были появиться [и] и [ы]. Но, по мнению многих фонетистов, в произношении этих флексий действует морфологическая аналогия: поскольку в случаях типа *дубом*, *домом* произносится [ь], то [ь] произносится и в случаях типа *чужеземцем*, *товарищем*, т.е. эти формы произносятся так же, как чужеземцам, товарищам (где [ь] закономерно возник из [а])» [Осипов, Николенко 1972 : 23]. В этом высказывании реконструируется относительная хронология изменений, которая имела место в предударных слогах. Специальное исследование написаний в заударных позициях в памятниках письменности более ранних эпох было проведено уже в работе [Осипов, Батырева, Сухоцкая 1992], посвященной проблеме морфологического влияния (см. Главу II).

Р. И. Аванесов, Л. А. Булаховский, Ф. Е. Корш хоть и прибегают к диахронии для объяснения появления /a/ в форме И. п. / В. п., лишь намечают хронологию этого изменения.

§ 4. Тенденции развития подсистемы безударного вокализма

Учеными отмечается тенденция развития безударного вокализма, предполагающая совпадение всех этимологических гласных после мягких согласных с /i/ [Колесов 2009 : 137]. Постепенная утрата различий фонем после мягких согласных в современном русском литературном языке начинает включать в себя даже противопоставление /i/ и /u/: ср. *полюс* /pol'is/ и *полис* /pol'is/.

Совпадение всех фонем с /i/ существует лишь на уровне тенденции и на него, как и на предпосылку о действии иканья, не следует опираться при трактовке сложных случаев. Как отмечали Б. И. Осипов и Б. Д. Николенко в начале статьи, посвященной экспериментальному исследованию заударного вокализма: «Фонетические изменения в истории языка относятся далеко не к самым быстротекущим процессам, и то, что все русские безударные гласные после твердых объединяются в одной непередней, а после мягких – в одной передней фонеме, – всего лишь достаточно далекий, хотя, может быть, и достаточно вероятный прогноз, который еще не дает представления о действительном различении фонем в безударных слогах современного русского языка» [Осипов, Николенко 1972 : 19].

Говоря о неразличении гласных при совпадении их с /i/ в настоящее время, исследователи ориентируются в первую очередь на спонтанную речь. В то же время при определении фонемного состава слова (как единицы языка) в традиционной фонологии принято ориентироваться на полный тип произнесения – тип произнесения, отличающийся наибольшей четкостью, в котором возможно наибольшее количество звуковых противопоставлений [Щерба 1915], [Бондарко, Вербицкая, Гордина, Зиндер, Касевич 1974]. Звуковые изменения начинаются в речи, и только потом закрепляются в

языке, поэтому неразличение гласных в спонтанной речи еще не означает совпадения фонем в языке, а только намечает возможный путь развития системы⁸.

Выводы

При фонологической интерпретации гласных в заударных позициях после мягких согласных нельзя руководствоваться законом, выведенным на основе регулярных чередований в корнях в предударном положении.

Обращение к диахронии, в частности к истории русского безударного вокализма, позволит более адекватно оценить динамику современной системы и некоторые противоречивые элементы безударного вокализма. Современный безударный вокализм с иканьем в качестве его продуктивной нормы должен рассматриваться в этом случае как система, сложившаяся в результате ряда фонемных изменений. Задача исследователя состоит в том, чтобы выявить процессы, которые происходили в заударных слогах, в частности, определить, насколько они были параллельны процессам, происходившим в предударных позициях.

Диахронический подход поможет уточнить принцип действия морфологической аналогии, а также становить хронологию этих изменений относительно развития аканья и иканья.

⁸ В рамках ЩФШ существует направление, представители которого предлагают отказаться от опоры на полный тип произнесения при определении фонемного состава слова и сперва анализировать единицы, возможные в речевой деятельности [Фонология речевой деятельности 2000]. См. критику этого подхода в [Попов 2004 : 21-22]

Глава II. Предыстория современного состояния

§ 1. Развитие подсистемы безударного вокализма

В предыдущей главе было отмечено, что иканье представляет собой тип безударного вокализма, характеризующийся неразличением этимологических фонем неверхнего подъема при совпадении их с /i/ в позиции после мягких согласных. Этой чертой литературный язык отличается от южновеликорусских говоров, которые характеризуются *яканьем* (совпадение этимологических фонем неверхнего подъема с /a/ в части позиций), и среднерусских говоров, характеризующихся *эканьем* (совпадение этимологических фонем неверхнего подъема с /e/ в части позиций).

Существует традиция понимания аканья и иканья как качественной редукции (ср. термин *Russian vowel reduction*, использующийся в англоязычной литературе). Такое понимание связано с редукционной гипотезой А. А. Шахматова и особенностью строения ритмической структуры слова. Действительно, кроме количественных различий, между гласными ударных и безударных слогов наблюдаются различия качественные. Гласные [ʌ] и [ɚ], появляющиеся на месте этимологического /o/, описываются как результат редукции этого гласного. В рамках ЦФШ [ʌ] и [ɚ] рассматриваются как аллофоны /a/, и первичным является совпадение фонем /o/ и /a/ с /a/, а аллофонная реализация /a/ в зависимости от позиции по отношению к ударению не связывается с диахронической проблемой совпадения /o/ и /a/. Понятие аканья как качественной редукции не отражает реального положения вещей еще и потому, что в современном московском произношении предударное /a/ может очень сильно приближаться по длительности и качеству к ударному.

Предударное иканье, ставшее литературной нормой только в XX веке, сформировалось в московском говоре, где оно развилось из эканья как

результат совпадения /e/ и /i/ в /i/. Это изменение затронуло и /e/ < /ê/ (результат утраты /ê/) и /e/ < /a/ (развитие эканья). Важно отметить, что такой подход не подразумевает прямого совпадения /a/ с /i/ (ср. гипотезу Шахматова о редукции всех гласных после мягких согласных в кратком переднем звуке).

Первые написания, которые свидетельствуют о совпадении /e/ и /i/ в /i/, относятся к XVII веку. С этого момента в памятниках появляются неэтимологические написания **и** на месте **е**, а также обратные, гиперкорректные написания **е** на месте **и**.⁹ При этом некоторые ученые «отодвигают» появление иканья на XVII [Горшкова 1959 : 99] или даже на начало XIX в. [Борковский, Кузнецов 1965 : 156]. Разница в определении времени возникновения иканья вызвана тем, что первые письменные фиксации иканья в XVII в. отражают начало процесса в московском просторечии, а в XIX в. происходит постепенная экспансия иканья в литературном произношении, во всяком случае в его московском варианте, где оно окончательно утверждается в XX в. В работах Р. И. Аванесова середины XX в. о литературном произношении отражена система, в которой фонемы /i/ и /e/ противопоставлены: ср. фонетическую транскрипцию [л'исá] *лиса* и [л'и³сá] *леса*) [Аванесов 1972 : 55-56]. Тем не менее, Р. И. Аванесов противопоставляет эту систему диалектному эканью. Получается, что литературное иканье середины XX в. представляет собой не совпадение в безударной позиции фонем /и/ и /е/, а реализацию безударного /е/ звуком типа [и³], промежуточным между [и] и [э], видимо, более склонным к [и]. «Иканье» при таком рассмотрении – это особая реализация фонемы /е/, отражающая аллофонное изменение, которое в конце концов должно привести к совпадению фонем /и/ и /е/ в безударной позиции (что, по мнению большинства исследователей, и произошло во 2-й половине XX в.). Вопрос остается в том, затронуло ли это совпадение и заударные позиции.

⁹ Кроме того, имеются любопытные замечания о том, что сперва написания **и** на месте этимологического /е/ появлялись в определенных морфемах [Волоцкая 1961 : 270]

Изменения, происходившие в заударном положении, заслуживают отдельного изучения, которое заключается в обращении к описаниям языка XVIII–XX века и анализе орфографии памятников письменности более ранних веков.

§ 2. Свидетельства о произношении XIX–XX веков

В описаниях русского языка, созданных в XVIII–XIX веках, ориентируются на орфографию и указывают правила чтения букв, выявляя закономерности в несоответствии буквы звуку. Так как несоответствия вызваны фонетическими изменениями, отсутствие изменений на письме не отражается и поэтому на него не обращают внимания составители грамматик.

Примеры, свидетельствующие о совпадении /a/ с /e/ в заударных позициях можно найти в «Практической русской грамматике» Н. И. Греча: «Буква я, не имея над собою ударения, произносится как е; например, слова: ячень, яйцо, тяну, вяжу, заяц, отчаяние – произносятся: ечень, ейцо, тену, вежу, заец, отчаение» [Греч 1834 : 113]. Стоит заметить, что все примеры отражают произношение в корнях и суффиксах, а произношение во флексиях в этой работе не указывается.

Свидетельства о сохранении этимологического /a/ в безударном окончании можно обнаружить в более поздних описаниях. В начале XX века Р. Кошутич записывал формы, имеющие этимологическое /a/ в окончании, с помощью графемы ь [Кошутич 1919 : 113]. В середине XX века сохранение непереднего гласного во флексиях отмечал Р. И. Аванесов.

В ряде работ начала XX века можно найти указания на наличие /a/ в форме И.-В. п. слов ср. рода. К примеру, Р. Кошутич записывал окончание И. п. графемой, обозначающей непредний гласный, а окончание П. п. – обозначающей предний гласный [Кошутич 1919 : 113]. На различие форм И. п. / В. п. также указывали Ф. Е. Корш [Корш 1902 : 67] и Р. Ф. Брандт [Брандт 1905: 19] в ходе обсуждения реформы орфографии.

При этом существуют работы, в которых отмечается, что в позиции И. п. / В. п. позициях возможно и произношение /i/. В начале XX века на реализацию /a/ в этой форме указывал В. И. Чернышев, отмечая и возможность реализации /i/: «Конечное е в существительных и прилагательных среднего рода звучит часто как я: иду фполя, сматрю на синия моря, у меня большая горя и подобн., так что именительный падеж (поле) и родительный (поля) в произношении не всегда различаются. Но нередко конечное е таких слов произносится как и» [Чернышев 1908 : 33]. Эти свидетельства В. И. Чернышева хорошо показывают, что он описывает именно произношение и совершенно игнорирует орфографию, понимая, что она не отражает произношение.

В середине XX века Р. И. Аванесов отмечал в этой позиции произношение непредного гласного, однако относил это явление к старшей норме: «В соответствии со старыми московскими нормами в этой форме произносилось [ъ]: по[л'ъ], го[r'ъ], счá[с't'jъ], знáни[jъ]. Такое произношение, хотя и встречающееся до сих пор, следует считать для нашего времени отживающим. В настоящее время более распространенным является произношение в этой форме звука [э]: по[л'э], го[r'э], счá[с't'jэ], знáни[jэ]» [Аванесов 1950 : 41]. С помощью ъ Р. И. Аванесов обозначает гласный, который произносится на месте /o/ и /a/ во всех безударных слогах, кроме первого предударного, а с помощью [э] – гласный, который произносится на месте /e/ и /a/ в предударных слогах, кроме первого предударного. Т.е. [ъ] является аллофоном /a/, а [э] – аллофоном /e/.

Любопытное замечание находим в статье В. Я. Брюсова, посвященной критике рифм его современников: «В моей юности я слышал речь стариков, которые еще произносили конечное (неударяемое) ъ(ять) иначе, нежели е, говорили не совсем одинаково: «в полъ» и в поле. [Брюсов 1923 : 78 (сноска)]. Причиной этого различия может быть не столько отличный от /e/ рефлекс /ê/ в форме П. п., сколько наличие фонемы /a/ в окончании В. п.

Особый интерес представляют замечания Л. В. Щербы в статье [Щерба 1957]¹⁰, написанной в ответ на [Ушаков 1928]. В собственном произношении Л. В. Щерба отмечал несколько расхождений с предлагаемой Д. Н. Ушаковым транскрипцией. В частности, если Д. Н. Ушаков фиксировал произношение формы И. п./В. п. слова *поле* как «пол'ъ» (/pol'a/), Л. В. Щерба произносил в этой форме гласный /e/, как и в форме П. п. Он также замечал, что в «ослабленной речи» (т.е. в неполном типе произнесения) может появляться [i], однако только в окончании П. п., причем, после заднеязычных /k/, /g/, /x/ [Щерба 1957 : 142]. В окончании И. п. / В. п., по всей видимости, в неполном типе произнесения сохранялся гласный, отличный от /i/.

§ 3. Проблемы интерпретации письменных памятников

При рассмотрении вопросов, связанных с изменением безударного вокализма, в работах по диалектологии, в том числе исторической, в центре внимания находится первый предударный слог. Гораздо меньше внимания уделяется гласным в заударных позициях.

Гласные восстанавливаются на основе анализа неэтимологических написаний. Появление неэтимологических написаний свидетельствует о том, что произошло изменение, вызвавшее совпадение этимологических фонем. Однако проблема состоит в том, что совпадение трех фонем (/a/, /e/, /i/) вызывает мену трех букв, а в современных говорах существует три возможности совпадения: совпадение с /a/ (яканье), совпадение с /e/ (еканье) и совпадение с /i/ (иканье). В предударных слогах в таких случаях вывод о той или иной фонеме, с одной стороны, делается с опорой на современное состояние (например, если в памятниках встречаются как написания **е** вместо **я**, так и **я** вместо **е**, вывод о яканье или еканье делается исходя из того, какой вокализм свойствен современным говорам), а с другой – исходя из количества замен определенного рода (например, при преобладании

¹⁰ Статья не датирована, опубликована посмертно

неэтимологических написаний **е** делается вывод, что говору было свойственно эканье).

Так как для современного русского литературного языка возможность противопоставления фонем в заударных положениях после мягких согласных является спорной, при фонологической расшифровке памятников письменности остается только возможность ориентации на количество замен.

Если написания в предударных слогах позволяют реконструировать эканье или иканье, мены букв в заударных слогах допускают и другие принципы вокализма.

В работах [Федченко 1971], [Черных 1953] встречаются указания и на неэтимологические написания **ѧ** («йотированного а») и **▲**¹¹, что трактуется как проявление заударного яканья. При этом проявления заударного яканья могут сосуществовать с проявлениями иканья. Например, А. П. Федченко, исследовавший московские деловые документы XVIII века, обратил внимание на написания с **я** на месте **е** (*каретных сараяв, три протявня, сарай с конюшняй*), которые, согласно его трактовке, «указывают на возможность заударного яканья в старом московском говоре» [Федченко 1971: 110]. При этом им отмечаются примеры неэтимологических написаний **и** на месте **е** в заударных позициях, что рассматривается как проявление иканья: *четвирть, мачиха, ситичко, окошик, блюдичко, две кружички, десять дощечик* [Федченко 1971 : 109-110].

Таким же образом С. И. Котков отмечает, что написания **я** вместо **е** встречаются в заударном положении, а также, в меньшем количестве, в предударных положениях. Однако С. И. Котков не даёт объяснений неэтимологическим написаниям **я** и на основе частотных написаний **и** вместо **е** восстанавливает для московских говоров XVI–XVII веков как предударное, так и заударное иканье [Котков 1974 : 97].

¹¹ В дальнейшем обе эти графемы будут обозначаться как **я**

Исследователи отмечают, что неэтимологические написания **я** более характерны для конечных открытых слогов. Так, П. Я. Черных, указывает на многочисленные неэтимологические написания **я** в заударных открытых слогах в московских памятниках XVII века. Для предударных позиций, по его наблюдениям, более характерны неэтимологические написания **е**. Из этого П. Я. Черных делает вывод об эканье в предударных слогах и яканье в заударных как характерной черте московского произношения середины XVII века [Черных 1953 : 82-84]. При этом в Уложении 1949 года, анализу которого посвящена работа, обнаруживается всего несколько примера, которые, можно истолковать как употребление множественного числа вместо единственного: *за бесчестья, за платья* [Черных 1953 : 195-196]. Остальные примеры, отражающие яканье в конечных открытых слогах, приводятся из писем знати того времени (Н. И. Одоевского, Е. Н. Урусовой, Б. И. Морозова, П. И. Хованского, А. Л. Леонтьевой и др.) и отписок приказчиков боярина Морозова: *на свѣтлое воскресенья, не зрѣтя вы, представтя мя, не приступитя, пребудтя в них, похотитя въдать* и т. п.. В основном это примеры, в которых написания **я** на месте **е** находятся в глагольных окончаниях. Приводятся и примеры написаний **я** на месте **е** в закрытых слогах: *сотворяна, ведаяте* [Черных 1953 : 84]

На появление мены **я** и **е** в открытом слоге обращал внимание С. И. Котков (кроме того, им были особо отмечены написания **я** на месте **е** в соседстве с сонорными согласными): «В первой заударной позиции у заведомых москвичей половина написаний **я** на месте **е** приходится на конечный открытый слог, а другая половина падает на соседство с предшествующим или последующим сонорным. Во второй заударной позиции написания **я** на месте **е** преобладают в конечном открытом слоге, а в остальных случаях также выступают в соседстве с сонорным. Написания **я** взамен **е** наблюдаются и в третьей позиции – в открытом конечном слоге» [Котков 1974 : 97].

В. В. Иванов, исследовавший волоколамские (подмосковные) памятники XV–XVIII вв., трактовал встречающиеся неэтимологические написания с **я** как отражение влияния якающего диалекта на прежде екающий говор. Также он обратил внимание на то, что в большинстве случаев за гласным следовал твердый согласный, и, исходя из этого, предположил, что влияние могли оказать говоры, характеризующиеся умеренным яканьем (в данном типе яканья качество гласного завит от последующего согласного: перед твердым согласным выступает гласный /a/, перед мягким согласным – /i/ или /e/). В. В. Иванов отмечает замены как в предударных, так и в заударных положениях, однако указывает, что в заударных положениях таких замен встречается больше. Написания **я** вместо **е** отмечались В. В. Ивановым и в конечных открытых слогах (*четыря, вовся, хрестьяня, на монастырская подворья, за село за старинная* и т.п.), однако в этих позициях им было дано другое, не связанное с влиянием якающих говором, объяснение: «В волоколамских говорах на конце слов произносился звук с ослабленной артикуляцией, что вызывало трудности для писцов в его передаче. Вместе с тем в определенных условиях, а может быть, и в индивидуальном произношении отдельных грамматических категорий на конце слова гласный звук мог приближаться по звучанию к [’а]» [Иванов 1959 : 59].

Итак, ученые отмечают, что для предударных позиций больше характерны написания **е** вместо **я**, тогда как в заударных позициях встречаются написания **я** вместо **е**. Это свидетельствует о том, что в предударных и в заударных положениях могли происходить разные изменения. Кроме того, особое положение открытого слога конечного открытого слога отмечается уже для XVI–XVIII веков.

Существуют и указания на морфологическую обусловленность замен.

Высказывались предположения, что в некоторых флексиях написания **и** вместо ожидаемого **ѣ** (или **е**, так как /ê/ совпало с /e/) не имеют отношения к развитию иканья. К ним относятся написания **и** во флексии П. п. 1 склонения,

где это может трактоваться как сохранение архаического окончания (*поли*), а также флексии П. п. и Д. п. ж. р., где появление /i/ может быть вызвано влиянием мягкой парадигмы склонения: *о слави* (вм. *славъ*) как *о земли*. Такие предположения высказывали З. М. Волоцкая и К. В. Горшкова [Волоцкая 1961], [Горшкова 1959], исследовавшие орфографию «Писем и бумаг Петра I», а также В. В. Иванов [Иванов 1956], исследовавший памятники XV-XVII, написанные в Подмосковье. Соответственно, фонема /i/ в данных в формах могла выступать еще до развития иканья и сохраняться до XVIII века.

Более традиционная точка зрения состоит в том, что в мягкая разновидность склонения претерпевала изменения по аналогии с твердым типом. В ней возникал /ê/, который затем совпадал с /e/, а потом, уже при развитии иканья, – с /i/.

Наиболее важными для данной работы являются указания на морфологическую обусловленность написаний **я** вместо **е**.

К. В. Горшкова, исследовавшая орфографию «Писем и бумаг Петра I», обнаруживает несколько примеров с написаниями **я** вместо **е** и обращает внимание на то, что эти замены происходят в определенных морфемах. К ним относятся замены в окончаниях И. п. ср. р. (*последнее собранья*), В. п. ср. р. (*пошли на моря*), Т. п. (*сани, покрытыя лубьямь*); в разносклоняемых существительных (*времяни*) и формам вроде *мещаня, крестьяня*. «Что касается употребления букв **е** и **я** в заударных слогах, то некоторые написания при сравнении их с данными других памятников московского происхождения, а также более поздним московским произношением позволяют предположить наличие заударного яканья в московском говоре XVII в. Очевидно, произношение звука [а] после мягких согласных в заударных слогах ограничивалось рядом морфем, в которых позже стали произносить редуцированный непереднего ряда [ъ] после мягких согласных» [Горшкова 1956 : 101]. На наличие звука [ъ] в современном произношении К. В. Горшкова указывает в написанном ей разделе «Фонетика»

коллективной монографии «Современный русский язык»: «Разграничение редуцированных звуков [ь] и [ъ] более последовательно проводится в формах имен существительных и в 3-м лице множественного числа глаголов. Например, [мо́р'ъ] (море) – сущ. в им., род., вин. падежах ед. ч. и [в-мор'ъ] – сущ. в пред. п. и др.» [Галкина-Федорук, Горшкова, Шанский 1962 : 228].

Вопросу морфологического влияния на вокализм заударных слогов посвящена работа [Осипов, Батырева, Сухоцкая 1992], в которой были проанализированы памятники со среднерусских и южновеликорусских территорий. Авторы обращают внимание на то, что в основном неэтимологические написания **я** приходятся на морфемы, которые имеют твердый вариант с /о/ или /а/. Эти написания трактуются как появление /а/ на месте /е/, которое было вызвано «взаимовлиянием» фонетических и морфологических факторов: аканья, которое понимается как редукция гласных, и выравнивания по твердому типу склонения. Ученые подчеркивают, что хронологию данного изменения еще только предстоит ввести. Также ими отмечается, что неэтимологические написания **я** чаще появляются перед твердыми согласными – в данной статье это объясняется тем, что позиция перед мягкими согласными была более выгодной для редукции.

§ 4. Хронология изменений в заударных положениях

Произношение [ъ] в современных говорах и написание **я** в памятниках XVII-XVIII вв. отмечается в позициях, в которых наличие /а/ могло быть вызваны влиянием твердого варианта склонения. В работах, рассматривающих действие морфологической аналогии в диахронии, прослеживаются три варианта относительной хронологии этого изменения:

А) Выравнивание по аналогии происходит до развития аканья и иканья (Л. А. Булаховский)

Б) Выравнивание по аналогии происходит после развития аканья (Р. И. Аванесов)

Первая последовательность представляется наиболее соответствующей реальному протеканию изменения. Её можно уточнить, если учесть два изменения, происходивших в московском койне: вытеснение оканья аканьем и переход /e/ > /o/.

Московский говор входил в состав ростово-суздальских говоров. Современные говоры, наследники ростово-суздальских, относятся к северному наречию русского языка и являются окающими (за исключением подвергшихся влиянию литературного произношения). До XVI века московский говор также был окающим: в московских памятниках, написанных ранее XVI в., мены букв **о** и **а**, которые могут свидетельствовать о совпадении фонем, встречаются нечасто и вызывают споры.

В XIV–XV вв. в большинстве великорусских говоров происходил переход /e/ > /o/. При этом в севернорусских говорах это изменение протекало не только под ударением, но и в безударных позициях. В части современных севернорусских говоров результаты этого перехода в безударных позициях наблюдаются до сих пор (такой тип вокализма называется ёканьем).

Условием осуществления данного перехода было наличие после /e/ твердого согласного. В позиции конца слова переход осуществлялся по аналогии с твердым типом склонения, причем происходило это как в ударных, так и в безударных позициях: *окно* /окно/ – *поле* /pol'о/ [Горшкова 1972 : 90-91]. Таким образом, изменение фонем во флексиях происходило благодаря взаимодействию морфологических и фонетических факторов.

К началу XVI века в московском говоре развилось предударное эканье, т. е. произошло совпадение старых фонем /o/, /a/, /e/ с /e/. И если в предударных слогах /o/ < /e/ было утрачено, в заударных позициях /o/ в московских говорах могло удерживаться благодаря аналогии с ударным вариантом.

В современных говорах, претерпевающих смену ёканья эканьем наблюдаются подобные процессы: /o/ сохраняется в именных флексиях и утрачивается в остальных позициях. Такие изменения описала

М. Н. Бувальцева в диссертации, выполненной на материале говоров Белозерского района Вологодской области. Анализ памятников XV–XVI вв. показал, что переход /e/ > /o/ происходил не только под ударением. В XX веке в предударных слогах и в глагольных флексиях происходят процессы, которые рассматриваются как смена ёканья эканьем под влиянием литературного произношения, в именных же флексиях сохраняется /o/: «В корнях слов, в глагольных флексиях в настоящее время произносят и [Е] и [О]. Появление одного или другого звука оказывается факультативным: оз'ором, оз'ером, д'ен'ок и д'ен'ек, в'ет'ор и в'ет'ер. В именных флексиях постоянно, за немногими исключениями, удерживается 'о: пол'ом, гор'ом, уч'ителом, плат'о, гор'о, мол'ен'ю» [Бувальцева 1955 : 16].

На материале памятников достаточно сложно отследить сохранения /o/ в окончаниях в московском говоре XVI века: отражение на письме /o/ после мягкого согласного (как в ударных, так и в заударных позициях) было затруднено отсутствием буквы, которая бы одновременно обозначала фонему /o/ и выражала мягкость предшествующего согласного. Написание **о** было возможно только после непарных согласных. Написание **о** после парных мягких согласных (например, *бероза*) встречаются гораздо реже. В памятниках XVI века действительно встречаются написания, которые могут отражать переход **е** в **о** после непарных согласных. В московских грамотах 1 половины XVI в. написания **о** вместо **е** после непарных согласных обнаруживает Е. Ф. Васеко [Васеко 1958 : 89]. При этом он отмечает, что такие неэтимологические написания встречаются в морфемах, имеющих твердый вариант с фонемой /o/, а также ударный вариант с фонемой /o/: *селищю, городищю, подищю, васильевичом, конищово* и т. п.. Анализируя эти написания, Е. Ф. Васеко, делает предположение о том, что окончания имели одинаковый фонемный состав и в твердой, и в мягкой парадигме. Для предударных позиций Е. Ф. Васеко восстанавливает еканье. Написания с **о** после непарных согласных, в том числе, после отвердевших /ž/, /š/, /c/ (*кадашовцов, иноземцов, серцо*), отмечаются и в более поздних московских

памятниках, в которых в предударных слогах уже отмечается проявления аканья и иканья, поэтому написания **о** трактуются как обозначение /a/. С. И. Котков предполагает, что причиной возникновения таких написаний в памятниках XVII в. было совпадение /a/ с /e/ в результате развития аканья, однако допускал и объяснение этих написаний действием морфологической аналогии [Котков 1974 : 166]. Существуют предположения, что переход /e/ в /o/ после непарных согласных происходил раньше, чем после твердых¹². Однако в данном случае важно, что следы этого перехода сохраняются именно в морфемах, в которых сохранение непереднего гласного поддерживалось аналогией с ударным вариантом.

Следующим изменением, коснувшимся предударных слогов, был переход от оканья к аканью, который совершился к началу XVII века. Если до этого времени меня **о** и **а** были спорадическими, начиная со 2-й половины XVI века в московских памятниках количество мен увеличивается. При этом многие ученые придерживаются мнения, что смена оканья аканьем в московском койне носит социальный характер: оканье вытесняется аканьем с приходом в Москву населения с южновеликорусских, «акающих» территорий [Котков 1974 : 51–55].

При смене оканья аканьем /o/ заменяется на /a/. При этом аканье накладывается и на /o/ < /e/ (/mor'o/ > /mor'a/). Замена /o/ на /a/ происходит после того, как совпадение /a/ с /e/ (которое приводило к развитию эканья, по крайней мере, в предударных позициях) уже завершилось, поэтому изменения /a/ > /e/ не произошло.

Таким образом, возникновение /a/ в окончании И. п. / В. п.. существительных ср. рода может быть результатом следующих друг за

¹² В связи с этим С. И. Котков призывал к отдельному изучению вокализма после непарных мягких согласных в акающих говорах [Котков 1963 : 70-71]

другом фонемных изменений после мягких согласных: 1) /e/ > /o/ и 2) /o/ > /a/ (/mor'e/ > /mor'o/ > /mor'a/)¹³.

Точка зрения о том, что изначальной причиной появления /a/ в форме И. п. / В. п. является переход /e/ > /o/ прослеживается в работах А. А. Шахматова, однако им предлагался несколько иной механизм изменения (см. выше). Более традиционно предположение, что эканье охватывало все позиции, и /o/ в ударных положениях совпадало с /e/ (такая схема изменений описана, например, в [Бахтин 1890 : 255]).

Случаи, которые рассматриваются как «исключения» при синхроническом подходе к действию морфологической аналогии, объясняются особенностями осуществления изменения /e/ в /o/ (что является еще одним аргументом в пользу объяснения появления /a/ в позиции И. п. / В. п. сохранением рефлекса этого перехода):

- 1) Наличие гласного /a/ не отмечается в формах глаголов 1 спряжения (*сядет* /s'ad'it/, *сядем* /s'ad'im/ при *идём* /id'óm/, *идём* /id'óm/). В русских говорах результаты перехода /e/ > /o/ не наблюдаются в глагольных окончаниях (как под ударением, так и в безударных положениях) [Касаткин 1999: 374]
- 2) Наличие /a/ не отмечается в окончаниях прилагательных *-ей*, т. к. переход /e/ > /o/ не происходил перед мягкими согласными¹⁴.

Если исходить из того, что морфология препятствовала совпадению /e/ с /o/ в форме И. п. / В. п. при развитии еканья, следует признать, что морфологическая аналогия с ударным вариантом влияла и на сохранение /a/ в других падежных окончаниях (а также, возможно, в суффиксах деепричастий).

¹³ Подобная последовательность изменений была предложена В. Н. Сидоровым для объяснения происхождения умеренного яканья, в котором /a/ выступает перед твердыми согласными [Сидоров 1969 : 7-15].

¹⁴ Ср. также наблюдения В. В. Иванова и Б.И. Осипова, Л. П. Батыревой, Е. Б. Сухоцкой о появлении *я* на месте *е* именно перед твердыми согласными

Изменение по аналогии с твердым вариантом морфемы и влияние ударного гласного происходит на разных этапах развития языка:

1) переход /e/ в /o/: морфологическая аналогия с твердым вариантом создает условия для перехода в заударных открытых слогах (/pól'e/>/pól'o/ как /s'éno/, /oknó/);

2) развитие еканья: морфологическая аналогия с ударным вариантом удерживает /o/ в заударных позициях (/pól'o/ как /s'eló/).

Можно также предположить, что при смене оканья аканьем появлению фонемы /a/ в форме И.-В. п. ср. рода могла способствовать аналогия с другими словами ср. р. – разносклоняемыми *имя, время* и т. д.. В диалектах наблюдается взаимовлияние этих типов склонения: Р. п. *время*, Д. п. *время* и т. д. (по модели *поле, море* мягкого *о-склонения).

Таким образом, морфология так или иначе оказывала влияние на заударный вокализм на всех этапах развития, помогая осуществляться переходам или задерживая изменения. Поэтому влияние морфологии нужно учитывать при анализе собственно-фонетических изменений.

Причины появления /e/ в форме И. п. / В. п.

Итак, для форм И.п. / В. п. и П. п. восстанавливается разная последовательность изменений:

И. п. / В.п.: /e/>/o/>/a/

П. п.: /ê/>/e/>/i/ (если не брать во внимание предположение о сохранении архаического окончания мягкого варианта склонения - /i/)

Данная цепочка изменений восстанавливается для московского говора. Московская речь легла в основу литературного произношения только в XX веке, и некоторое время московская норма существовала наряду с петербургской. Как известно, между этими вариантами произношения был ряд отличий: в частности, для петербургского произношения было характерно еканье. Могло ли наличие /e/ в форме И. п./В. п., о котором

писали петербургские фонологи (Л. Л. Щерба, Л. Л. Буланин, Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая), объясняться особенностью петербургского произношения?

Вопрос о становлении петербургской нормы не изучен в достаточной степени. Предполагается, что в основу его легло московское произношение, испытывавшее влияние северо-западных говоров, окружавших Петербург, а также влияние орфографии (см. например [Аванесов 1968 : 16]).

Следует иметь в виду, что в XVII и даже в XVIII вв. «литературным» было «церковное» («книжное») произношение – побуквенное. Традиция окаяющего чтения стихов (даже светских) продолжалась, судя по некоторым свидетельствам, вплоть до начала XIX в. [Холшевников 1989 : 56]. На протяжении XVIII в. происходило постепенное вытеснение этих черт церковного произношения соответствующими особенностями московского и петербургского просторечия. Таким образом, два варианта литературного произношения – московского и петербургского – это результат компромисса между церковным произношением и московским и петербургским просторечием.

Хотя многие черты петербургского произношения объясняются влиянием орфографии (например, произношение /č/ в некоторых словах – *что, конечно, булочная*), происхождение предударного еканья скорее связывают с влиянием северо-западных говоров: орфографическому **я** в предударных слогах соответствует /e/, а не /a/ (/p'et'í/ *пяти*, а не /p'at'í/). Однако северо-западные диалекты не должны были повлиять на заударный вокализм петербургского варианта литературного языка. Для псковских говоров XIV-XV вв. восстанавливают заударное яканье – в памятниках того времени графема **я** появляется на месте старых /e/ и /ê/ (*агняца, на мѣстя*) [Соболевский 1907 : 85-86], [Каринский 1909 : 153]. В современных среднерусских говорах Р. И. Аванесов отмечает [ъ] в позиции И. п./В. п..

Таким образом, правомернее предположить, что к появлению /e/ в форме И. п /В. п. привело именно влияние «побуквенного» произношения на становление петербургской нормы.

Появление /e/ можно объяснить и тем, что орфография оказывает влияние уже в настоящее время. С. В. Князев и С. К. Пожарицкая отмечают, что в предударных слогах экающее и икающее произношение может наблюдаться в речи одного человека (в зависимости от стиля произнесения), при этом экающее произношение часто может быть обусловлено орфографией: «И, конечно, только знание орфографии может провоцировать разное (по нормам эканья) произношение безударных гласных в гиперфонемных ситуациях – таких как *герой* и *гитара*; *кино* и *кефир*; *метро*, *мятеж*, *медаль* и *мираж* и т.п.» [Князев, Пожарицкая 2011 : 323]¹⁵. Та же мысль подкрепляется следующим наблюдением: «Стоит заметить, что дети, которых еще не обучали чтению и письму, при растягивании и скандировании безударных гласных после мягких согласных произносят только два гласных [и] и [у]» [Князев, Пожарицкая 2011 : 323].

Таким образом, можно предположить, что в настоящее время реализация /e/ в И. п. / В. п. возникает в речи под влиянием орфографии. Орфография влияет и на произнесение /e/ в форме П. п. Происходит в особых речевых условиях, предполагающих опору на текст (чтение докладов и т. п.). В других регистрах формы И.п./В.п. и П. п., по идее, могут различаться, так как в этих окончаниях происходили разные изменения, однако под влиянием орфографии у носителей возникает впечатление, что формы И. п./В. и П. п. омонимичны. Различаются ли они на самом деле, еще предстоит выяснить.

Хочется отметить, что при подготовке реформы орфографии в начале XX века обсуждался вопрос о сохранении графического противопоставления форм И. п. / В. п..

За сохранение различий выступал Ф. Е. Корш: «И так, в конце концов, что пропало, то пропало, и “того уже нам не крестити” никакими орфографическими махинациями, а то, что еще уцелело от старины, правописание должно свято сохранить, насколько это возможно без

¹⁵ Гиперфонемным положением для гласного является позиция в морфеме, на которую никогда не падает ударение.

значительных осложнений, особенно если с такой охраной звуков связана целостность форм. Поэтому не только *дѣвка* пусть остается *дѣвкой*, а не превращается в *дефку* наперекор своему род. мн., *дѣвь*, *дѣвочкѣ* и т.п., но пусть и разница между имен. и вин. *море*, *поле* (с той гласной, которая слышится в последнем слоге слова время) и предложн. *морѣ*, *полѣ* (с закрытым е) будет отмечено графически» [Корш 1902 : 66-67]¹⁶. Для сохранения графического различия форм Ф. Е. Корш записывать окончание И. п. / В. п. ср. р. с помощью гласного *ѣ* (*полѣ*, *морѣ*, *горѣ*).

К разграничению написаний призывал и Р. Ф. Брандт. Он также предлагал обозначать с помощью *ѣ* окончание И.п./ В.п. ср. р., но при этом рекомендовал записывать окончания П. п. ср. р. с помощью буквы *и*: «Недурно бы здесь (да и вообще у слов мягкого окончания) в местном падеже допустить совпадающее с весьма обычным выговором архаическое окончание –и: “в мори, в поли, в гори), а, пожалуй, в назывно-винительном истинно-русское окончание –ѣ: “в морѣ, в полѣ, в горѣ”» [Брандт 1905 : 19]. Заметим, что по наблюдениям Р. Ф. Брандта указывает в форме П. п. произносится /i/. Брандт допускает, что этот гласный мог появляться на месте орфографического *ѣ* по морфологическим причинам: «Может быть, –и допустимо и в твердых различиях, напр. “на деревѣ”, “в карманѣ”»: и там едва ли произошел чисто-звуковой переход, а вероятно сказалось также влияние мягкого различия» [Брандт 1905 : 19 (сноска)].

Возможно, если бы предложения этих ученых были приняты, описания фонетики современного русского языка выглядели бы по-другому.

Выводы

Исторический подход позволяет привести иные, нежели при синхроническом описании, объяснения наличию фонем в определенных формах.

¹⁶ Высказывание приводится в современной орфографии, дореформенная орфография сохранена в примерах

Появление /a/ в форме И. п. / В. п. является результатом изменения /e/ в /o/ с последующим наложением аканья.

Предполагаемые учеными принципы морфологического влияния (аналогия с ударным вариантом, аналогия с твердым вариантом) действовали на разных этапах развития заударного вокализма. Аналогия с твердым вариантом склонения создавала условия для перехода /e/ в /o/ в абсолютном конце слова. Аналогия с ударным вариантом задерживала задерживало развитие эканья в заударных слогах.

В данной главе была установлена последовательность изменений, которая привела к появлению /a/ в форме И. п./В. п. ср. р., которое наблюдалось еще в XX веке. Однако необходимо выяснить, выступает ли /a/ в этой форме в настоящее время. Вариативность произношения, заключающаяся в возможности произнесения во флексии И. п. / В. п. ср. р., как гласного /a/, так и гласного /i/, отмечалась уже в начале XX века, при этом произношение /a/ определялось как свойство речи старшего поколения. Кроме того, предстоит выяснить, сохраняется ли /a/ в заударных позициях в других морфемах, а также произошло ли совпадение /e/(</ê/) с /i/ и в заударных позициях.

К исследованию современного состояния нужно подходить со следующими вопросами: 1) сохраняется ли /a/ в заударных морфемах, в т. ч. и в форме И. п. / В. п.; 2) сохраняется ли в заударных слогах противопоставление /e/ и /i/.

Глава III. Исследование современного состояния с помощью экспериментальных методов

§ 1. Методы, использовавшиеся при изучении заударного вокализма

В работах, посвященных исследованию заударного вокализма, применялись следующие методы:

- инструментальный анализ
- слуховой анализ
- сравнение минимальных пар:
 - вопрос информанту
 - эксперимент на различение квазиомонимов
 - исследование рифм

Однако не все методы одинаково подходят для определения того, какие фонемы могут противопоставляться в заударных положениях.

Инструментальный анализ

Инструментальный анализ подразумевает изучение акустических характеристик звуков.

Инструментальный анализ заударных гласных во флексиях был проведен в работе [Бондарко, Вербицкая 1973]. Исследователи указывают на сложность различения гласных в заударных позициях на основании анализа частот: «Спектральный анализ гласных в заударных флексиях показывает, что и на уровне акустических характеристик нельзя говорить о большей сохранности заударных флексий по сравнению с остальными заударными гласными. Так, частотные характеристики флексии им. падежа ед. числа существительных жен. рода с мягкой основой (няня, гусыня и т.д.) свидетельствует скорее о переднем характере этого гласного (частота FII в большинстве случаев ближе к 2000 Гц, чем к 1000 Гц, а интенсивность FIII

всегда очень высока, как это наблюдается в спектре *i*) [Бондарко, Вербицкая 1973 : 47].

В диссертации Е. Ю. Овчаренко говорится о невозможности различить аллофоны гласных: «Средние значения обеих формант всех аллофонов гласных по тексту стремятся к некой неширокой полосе частот (для F_I ширина полосы \approx 150 Гц, для F_{II} – \approx 400 Гц), что говорит о тенденции к реализации в з/у МК [морфемных комплексах] гласных звуков со средним уровнем подъема и “средним” рядом. Это приводит к резкому ухудшению различаемости аллофонов по их акустическим признакам» [Овчаренко 1988 : 11].

«Различаемость» аллофонов определяются с точки зрения исследователей, которые ориентируются на приближенность к значениям F_I и F_{II}, определенных для гласных в ударных слогах. Однако этот метод не дает ответа на вопрос, могут ли звуки различаться носителями языка.

Исследователи указывают на высокую вариативность произношения заударных гласных (причем вариативность наблюдается и в речи одного носителя.): отмечается, что реализация конечных гласных может зависеть от положения во фразе и интонации [Князев, Пожарицкая 2012], [Князев 2007]. На основании акустического анализа нельзя выявить «акустический инвариант», который выступает в данной позиции.

Учеными высказывались сомнения в том, что при опознавании фонем носитель ориентируются только на частоты. В этом отношении любопытны опыты, описанные в [Бондарко 1979], которые показывают, что один и тоже же звук может восприниматься как реализация разных фонем в зависимости от смыслового контекста: «Еще более интересны случаи, когда фонемная интерпретация стимула как бы навязывается смыслом; гласный в последовательности СГС «воспринимается» так, чтобы получилось осмысленное слово, а не бессмысленное звукосочетание: гласный с частотой F_I 320 Гц и частотой F_{II} 1880 Гц (т.е. более близкий к основному аллофону [e], чем к [i]) испытуемые идентифицируют с гласным [i], если он вставлен в

такой контекст: *какая тишь, железный щит, брюшной тиф*». [Бондарко 1979 : 23]. «Синтезированный гласный, находящийся на «фонемной границе» между [i] и [e] воспринимается как [e] в последовательности С'ГС' и как [i] – в последовательности С'ГС; зависимость фонемной идентификации фонетически неопределенного синтезированного гласного от контекста очень велика: один и тот же «гласный» с частотой F_I 480 гц и частотой F_{II} 1560 гц в последовательностях [č – s't'], [s' – t'], [p' – t'] воспринимается как [a] лишь в 53% случаев, а в словосочетаниях *третья часть, пожалуйста, сядь, цифра пять* – уже в 98% случаев» [Там же].

Таким образом, при опознавании фонем носитель ориентируется не только на акустическую информацию, но и производит сравнение услышанного с единицами высшего уровня – словами и словосочетаниями.

Инструментальный анализ акустических признаков не подходит для решения вопроса о том, какие гласные различаются в заударных положениях.

Слуховой анализ

Слуховой анализ также представляет собой анализ акустических признаков.

Для исследования заударного вокализма при помощи слухового анализа могут привлекаться как специалисты [Гловинская 1966], так и наивные носители [Бондарко, Вербицкая 1973]. В обоих случаях аудиторам проводится соотношение звука с эталонами. Для профессионалов этими эталонами являются звуки, кодированные обозначениями IPA (или других систем транскрипции), для носителей в качестве эталонов могут выступать гласные, ассоциирующиеся с буквами алфавита.

Именно на основании слухового анализа были сделаны выводы о наличии [ɤ] в форме И. /В. п. ср. р. в работах [Гловинская 1966], [Панов 2004 (1957)], [Кузьмина 1966].

К мнению носителей, не являющихся специалистами в области фонетики, обращались Л. В. Бондарко и Л. А. Вербицкая. [Бондарко,

Вербицкая 1973 : 44]. В одном из экспериментов, описанных в данной статье, из словоформ *няня*, *няни*, *няне* были выделены конечные гласные, которые затем были предложены аудиторам (студентам филологического факультета) для опознавания. Гласные, выделенные из форм Р. п. и Д. п. (*няня*, *няне*) опознавались аудиторами «неправильно» – т.е. не как /a/ и /e/. При это не указывается, что именно отвечали аудиторы. Также не указывается, какие инструкции давались аудиторам¹⁷.

Такая методика представляется некорректной. Носители не получают информации о положении звука в слове: выделен ли он из ударного или безударного слога, рядом с какими согласными он находился и т. п.. Л. В. Бондарко указывает, что «опознаваемость», т. е. определение фонемной принадлежности звука улучшается, если для сравнения давать реализацию, выделенную из ударного слога. Представление о том, что этот звук является безударным, улучшает его «опознаваемость» [Бондарко 1979 : 22]. По сути, лучшим контекстом для опознавания гласного является слово (см. предыдущий параграф).

Сравнение минимальных пар

Наиболее подходящим методом исследования фонемных противопоставлений представляется сравнение минимальных пар (квазиомонимов), т. к. различие носителем единиц более высокого уровня (слов или, в данном случае, словоформ) свидетельствует и о различии единиц более низкого уровня. Несмотря на то, что метод минимальных пар ассоциируется прежде всего с Пражской фонологической школой, к нему обращались и представители других школ (см. ниже). Заметим, что и наблюдения ученых, приведенные в §2 Главы 2, основывались именно на сравнении падежных форм.

¹⁷ Подобные опыты описаны в [Бондарко 1979], где указывалось, что аудиторам предлагалось записать услышанные звуки знаками алфавита.

Оригинальный способ сравнения словоформ был предложен в «Вопроснике по современному русскому литературному произношению», выпущенном под редакцией М. В. Панова [Вопросник 1960]. Один из пунктов анкеты, разработанной для изучения современного русского литературного произношения, был посвящен проблеме различения гласных в окончаниях И./В. и П. падежей. Вопрос предполагал сравнение «звука», которым могут отличаться квазиомонимы поле (В. п.) и поле (П. п.), с эталоном – звуком, который ассоциируется с графемой И. Задание было сформулировано следующим образом:

«Сравните произношение последних гласных в слове «поле»:

(град падал) на это поле 1

(работали) на этом поле 2

В каком случае, первом или втором, звук, обозначенный буквой «Е», больше походит на И?» [Вопросник 1960 : 14].

Дальше информантам предлагалось провести стрелку к изображенной рядом букве **и** от одного или от обоих предложений. При этом варианта, что ни в одном случае конечный гласный не похож на **и**, не предполагался.

Интерпретация результатов этого опроса представлена в [Фонетика СРЛЯ 1968: 52] (при этом не указывается, как именно отвечали информанты). Согласно этой интерпретации, гласный [ъ] сохраняется во флексии И. п./ В. п. более чем у 80 % опрошенных. Не совсем понятно, как вопрос, подразумевающий сравнение гласного с [i], мог указать на сохранение [ъ] (на что могло указать сравнение с [a]).

Этот метод интересен тем, что предполагает обращение к самому говорящему, в то время как другие методики сравнения минимальных пар, которые будут рассмотрены ниже, ориентируются на слушающего. Кроме того, этот вопрос поможет выявить, насколько на представление носителя о языке влияет орфография. Тот факт, что с момента проведения опроса М. В. Пановым и его коллегами прошло больше 50 лет, что позволяет говорить о необходимости повторения этого эксперимента.

Прямой вопрос информанту о различении слов критиковал Л. Р. Зиндер [Зиндер 1979 : 71]. В качестве метода, альтернативного прямому вопросу, Л. Р. Зиндер предлагал эксперимент на сравнение звучащих квазиомонимов: «Ставить испытуемому прямой вопрос, различается ли произношение таких-то слов, значит превращать эксперимент из фонетического в психологический. Чтобы избежать этого, нужно привлекать несколько испытуемых. Один должен произносить сомнительные слова, повторяя их несколько раз в произвольном порядке, а другие – записывать значение услышанного произвольными знаками. Можно, разумеется, пользоваться в таких опытах и магнитофонной записью. Если слушающий будет сомневаться в том, что ему писать, или запишет слова в ином порядке, чем они были произнесены, то это будет свидетельствовать о кажущейся омонимии» [Зиндер 1979 : 71].

Применение предложенного Л. Р. Зиндером метода при исследовании заударного вокализма сталкивается с рядом сложностей: 1) как попросить носителя указать на разницу в грамматическом значении с помощью условных знаков; 2) если использовать орфографическую запись, как разграничить формы И. п. и П. п. ср. р., которые имеют одинаковый орфографический облик (*поле, море, горе*).

Эксперименты, основанные на сравнении минимальных пар, проводились Б. И. Осиповым и Б. Д. Николенко на материале диалектов Сибири [Осипов, Николенко 1972]. В ходе эксперимента были составлены пары предложений, различающихся только словами-квазиомонимами. Например, «А где у него пуля (пули)?», «Завтра все наши знакомые собираются на даче (на дачи)». Предложения были прочитаны дикторами и записаны на магнитофон. После этого испытуемым предлагалось записать услышанное.

Исследователи столкнулись с тем, что сами же обозначили как «семантические штампы»: испытуемым записывалась форма, появление которой было более вероятным для данного контекста. Например, несмотря

на то, что /ы/ и /а/ различались в других контекстах, предложение «Здесь есть для приезжих комната» записывалось как «Здесь есть для приезжих комнаты». Связано с представлением о наличии в гостиницах больше чем одной комнаты для приезжих.

Тем не менее, их исследование выявило, что фонемы /а/ и /е/ различаются в заударных позициях после мягких согласных, хотя и указывали на то, что это противопоставление постепенно утрачивается. Также эксперимент подтвердил наличие /а/ в морфемах, имеющих вариант с ударным /о/ (например, в форме Т. п. м.р. *чужеземцем*)

С другой стороны, эксперимент показал, что слова, содержащие в окончаниях орфографические *е* и *и*, почти не различаются. При этом анализировались предложения, содержащие /е/ < /ê/: *Вале* Д.п. – *Вали* Р.п., *на даче* П. п. – *на дачи* В. п. и т. п. Формы И./В. п. и П. п. в этом эксперименте не сравнивались, что объясняется одинаковым графическим обликом и, по всей видимости, невозможностью составления предложений, которые бы различались этими формами.

Еще одной разновидностью сравнения минимальных пар является анализ рифм. На рифмы А. С. Пушкина ссылается В. Я. Брюсов в замечании о разнице произношения форм слова *поле* в речи старшего поколения: «В моей юности я слышал речь стариков, которые еще произносили конечное (неударяемое) *ль*(ять) иначе, нежели *е*, говорили не совсем одинаково: «в пол^{ль}» и в поле. Рифмы Пушкина свидетельствуют, что такое различие существовало и для его слуха» [Брюсов 1923 : 78 (сноска)]. К сожалению, в данной сноске В. Я. Брюсов не приводит примеров. Не поднимается вопрос о возможности рифмовки В. п. и П. п. и в статье, посвященной рифмам А. С. Пушкина [Брюсов 1924].

Изучение рифм А. С. Пушкина не входило в задачи данного исследования, поэтому ограничимся лишь небольшими наблюдениями (сделанными на основании поэтического подкорпуса НКРЯ). Создается впечатление, что А. С. Пушкин действительно не рифмовал формы И. / В. п.

ср. р. с формами П. п. и Д. п. ср. р. У самого В. Я. Брюсова уже появляются рифмы И. п. – Д. п.:

Мы татарской **воле**

Приносили дань:

Куликово **поле**

Положило грань.

[В. Я. Брюсов. Полно [Из дневника, 1] (1917)]

Кроме того, в стихах В. Я. Брюсова встречаются рифмы форм И. п. ср.р. с формами, содержащими /i/:

Поставьте, невольники **воли**,

Шалаши у дворцов, как бывало,

Всколите веселое **поле**

На месте тронного зала.

[В. Я. Брюсов. Грядущие гунны (1904-1905)]

Изучение рифм в аспекте изучения фонемных противопоставлений представляется перспективной областью исследования¹⁸. Впрочем, изучение современной речи осложнено тем, что в современной поэзии точное совпадение заударной части слов не является обязательным требованием.

§ 2. Проведение эксперимента

Наиболее подходящим способом исследования представляется эксперимент на сравнение минимальных пар.

Задача: на примере форм слов ср. р. (*поле, море, горе*) выяснить, противопоставляются ли в заударных позициях после мягких согласных фонемы /a/, /e/, /i/, а именно:

1) сохраняется ли фонема /a/ в форме И. п. и в форме Р. п. ср. р.

¹⁸ Важно также учитывать, что *возможное* отсутствие рифм И./В. п. с П. п. в поэзии, созданной до 1918 г., как и появление их в более поздней поэзии, может быть связано с наличием графемы ъ.

2) сохраняется ли фонема /e/ в форме П. п. – противопоставляется ли она фонеме /i/?

Для решения этой задачи было разработано два эксперимента, в ходе которых проверялось: 1) может ли носитель различить минимальные пары, произнесенные другим носителем; 2) может ли носитель различить минимальные пары в собственном произношении.

Эксперимент 1.

Как уже было отмечено выше, проведение экспериментов, в которых бы наивным носителям языка были бы предложено записать услышанные квазиомонимы, осложняется одинаковым орфографическим обликом форм И./В. и П. падежей. Для решения этой проблемы был разработан эксперимент на определение соответствия звучащей формы заданному контексту.

Подготовка эксперимента

В качестве стимулов были выбраны формы И.-В. п., Р. и П. п. лексем *море*, *поле*, *горе*, которые планировалось сравнить между собой, а также контрольная *Поли* (Р. п. имени собственного *Поля*), которую планировалось сравнить с формами слова *поле*.

С указанными формами были составлены предложения: Крестьяне заботятся о своем поле», «Рыбак закинул невод в море» и т.п. Также было составлено 18 предложений-филлеров («Это книга моего брата» и т.п.). Всего было составлено 28 предложений (см. Приложение 1).

Предложения были построены таким образом, чтобы проверяемая форма приходилась на конец фразы, что исключало влияние фонем следующего слова на произношение конечного гласного.

Составленные фразы были прочитаны диктором¹⁹ (мужчина, петербуржец, 23 года, студент филологического факультета) и записаны на диктофон. Диктора просили прочитать предложения в спокойном темпе, что позволяло добиться полного типа произнесения. Кроме того, диктора просили делать небольшую паузу после каждого предложения, чтобы избежать появления перечислительной интонации²⁰. Затем анализируемые формы были извлечены из записей для последующего предъявления аудиторам в качестве стимулов.

Нами была предпринята попытка исключить влияние орфографии, поэтому в предложенных диктором текстах интересующие нас слова были поставлены в форму И. п. и заключены в скобки (см. Приложение 1).

Для испытуемых были составлены анкеты, содержащие фразы с опущенным проверяемым словом: «Крестьяне заботятся о своем...», «Рыбак закинул невод в ...» и т. п. (см. Приложение 2). Через колонки подавались стимулы. Задача испытуемых состояла в том, чтобы определить, подходит ли прозвучавший стимул контексту.

Часть стимулов подходила указанным контекстам, а часть не подходила. При этом было составлено три варианта анкеты (таким образом, на каждого диктора приходилось 3 группы испытуемых): контексты были распределены так, что для каждой лексемы только в одной форме стимул соответствовал контексту, из которого он был выделен (распределение осуществлялось по принципу латинского квадрата). В Табл.1 представлено распределение контекстов и стимулов для каждой группы.

¹⁹ Изначально предполагалось привлечь несколько дикторов, однако результаты эксперимента и некоторые замеченные уже во время проведения ошибки заставили отложить увеличение числа дикторов до усовершенствования методики

²⁰ При пробной записи диктор не делал пауз между предложениями, из-за чего возникла интонация перечисления – повышение интонации вместо ожидаемого понижения к концу фразы

К каждому варианту анкеты был добавлен пример для лексемы *поле*, для которого подавался стимул *Поли* из предложения «Я гостил у тѣти Поли».

Группа 1 – «Возле этого села больше нет ...»

Группа 2 – «Это широкое...»

Группа 3 – «Крестьяне заботились о своем...»

Табл. 1. Распределение стимулов относительно предложенных в анкетах контекстов

поле	анкета 1	анкета 2	анкета 3
Это широкое...	И. п.	Р. п.	П. п.
Возле этого села больше нет...	П. п.	И. п.	Р. п.
Крестьяне заботятся о своем...	Р. п.	П. п.	И. п.
море	1 группа	2 группа	3 группа
Передо мной синее...	Р. п.	П. п.	И. п.
В Чехии нет...	И. п.	Р. п.	П. п.
Ребенок никогда не плавал в...	П. п.	И. п.	Р. п.
горе	1 группа	2 группа	3 группа
У нас большое...	П. п.	И. п.	Р. п.
Тогда мы жили без...	Р. п.	П. п.	И. п.
Мы вместе и в радости и в ...	И. п.	Р. п.	П. п.

Примеры, используемые в качестве филлеров, были также были составлены таким образом, чтобы часть стимулов подходила контексту, а часть нет. Последовательность филлеров в трех вариантах анкет была одинаковой.

Проведение эксперимента

В опросе участвовали студенты филологического и медицинского факультетов СПбГУ в возрасте от 18 до 24 лет. Всего было опрошено 180 человек (3 группы испытуемых по 30 человек каждая для каждого диктора). Распределение по группам студентов-медиков и студентов-филологов по группам: 1) 14:16; 2) 18:12; 3) 10:20.

Испытуемым выдавались анкеты на бумажном носителе, стимулы (отдельные звуковые файлы) подавались через колонки.

Инструкция давалась в устной форме. Испытуемым было предложено определить, подходят ли прозвучавшие стимулы контекстам грамматически (по форме) и поставить в соответствующей графе знаки «+», «-» или «?». Знак «?» было предложено ставить, если испытуемые сомневались в ответе.

Каждый стимул звучал один раз. Однако иногда стимул повторяли по просьбе испытуемых или при наличии внешнего шума.

Гипотеза

Предполагалось, что формы И./В. падежа (*поле, море, горе*) и Р. падежа (*поля, моря, горя*) будут противопоставляться форме П. падежа (*поле, море, горе*). При этом формы И./В. и Р. падежей слова *поле* будут также противопоставляться форме Р. п. слова Поля (*Поли*). Формы П. падежа слова *поле* и Р. падежа слова Поля (*Поли*) не будут различаться.

Такое противопоставление позволило бы заключить, что формы И. п. и Р. п. содержат фонему /a/ тогда как форма П. п. содержит фонему /i/.

Альтернативная гипотеза состояла в том, что испытуемые не различают все формы, а форма *Поли* будет подходить для контекстов, в которых будет опущены формы И., Р. и П. падежей слова *поле*. Такой результат мог бы подтвердить бы гипотезу о совпадении старых фонем /e/, /a/, /i/ в заударных позициях после мягких согласных.

Результаты

При анализе результатов была выявлена зависимость ответов от типа заданного контекста.

Табл. 2. Ответы для контекста И. п.

	контекст	стимул	+	-	?
поле	И. п.	И. п.	30	0	0
море	И. п.	И. п.	29	0	1
горе	И. п.	И. п.	30	0	0
поле	И. п.	П. п.	29	1	0
море	И. п.	П. п.	29	1	0
горе	И. п.	П. п.	29	0	1
поле	И. п.	Р. п.	28	2	0
море	И. п.	Р. п.	29	1	0
горе	И. п.	Р. п.	26	4	0

Табл. 3. Ответы для контекста П. п.

	контекст	стимул	+	-	?
поле	П. п.	П. п.	27	3	0
море	П. п.	П. п.	30	0	0
горе	П. п.	П. п.	28	2	0
поле	П. п.	И. п.	30	0	0
море	П. п.	И. п.	30	0	0
горе	П. п.	И. п.	30	0	0
поле	П. п.	Р. п.	30	0	0
море	П. п.	Р. п.	26	4	0
горе	П. п.	Р. п.	23	7	0

Для контекстов И.-В. и П. падежей в большинстве случаев все типы стимулов отмечались как подходящие. Для контекста, предполагающего форму в И. п., количество отрицательных ответов колеблется от 0 до 4. Для

контекста П. п. было получено несколько больше отрицательных ответов, чем для И. п. При этом для контекста П. п. встречаются отрицательные ответы в случае подачи стимула П. п..

Наибольшее количество отрицательных ответов получено для контекста П. п. лексемы горе: 2 при стимуле П. п. и 7 при стимуле Р. п. Возможно, был выбран неудачный контекст «Мы в месте и в радости, и в...», который содержит устойчивую формулу: вероятно, информанты недостаточно четко представляют, какой в данном случае использован падеж. Также на представление о конечном гласном слова *горе* могла повлиять предшествующая ему форма «радости», содержащая фонему /i/ (ср. эффект естественного прайминга [Русакова 2012]).

Для контекстов Р. п. было получено большее, чем для И. п. и П. п., количество отрицательных ответов. Выше было и количество ответов «?», выражающих сомнение.

При несовпадении контекста и стимула (за исключением стимула П. п. лексемы *горе*) количество отрицательных ответов превышало количество положительных – от 16 до 22.

Табл. 4. Ответы для контекста Р. п.

	контекст	стимул	+	-	?
Поле	Р. п.	Р. п.	20	10	0
Море	Р. п.	Р. п.	26	4	0
горе	Р. п.	Р. п.	14	11	5
Поле	Р. п.	И. п.	14	16	0
Море	Р. п.	И. п.	3	22	5
горе	Р. п.	И. п.	13	17	0
Поле	Р. п.	П. п.	5	20	5
Море	Р. п.	П. п.	13	16	1
горе	Р. п.	П. п.	19	11	0

Отрицательные ответы получены даже для стимула, вырезанного из того же контекста, чего не ожидалось при подготовке эксперимента.

Табл. 5. Ответы при стимуле Р.п. имени собственного Поля /pol'i/

контекст	стимул	+	-	?
И. п.	Поли	29	1	0
П. п.	Поли	29	1	0
Р. п.	Поли	3	22	5

Для пункта анкеты, в котором при заданных контекстах И. п., П. п., Р. п. слова «поле» звучал стимул, вырезанный из предложения «Я гостил у тётки *Поли*», также была выявлена зависимость от типа контекста. Для контекстов И. п. и П. п. было получено 29 положительных ответов. Для контекста Р. п. было получено 22 отрицательных ответа и 5 ответов, выражающих сомнение.

Итак, результаты эксперимента не подтверждают ни одну из гипотез, на проверку которых он был направлен. По всей видимости, выбранная методика не вполне подходит для проверки противопоставлений фонем в окончаниях. Тем не менее, полученные результаты могут оказаться важными для изучения механизма восприятия речи.

Ожидая слово в И. п. или П. п., носители не различают формы, в которых на предыдущих стадиях развития языка содержались фонемы /e/ (</ê/) и /a/. При этом при ожидании этих форм как подходящая воспринимается и форма *Поли*, в окончании которой на современном этапе несомненно наличие /i/. Ожидая слово в Р. п., не все носители воспринимают услышанную форму как подходящую, даже если она была выделена из того же контекста.

Для объяснения разницы в восприятии стимулов при ожидании разных форм можно выдвинуть несколько предположений:

1. Причиной является вариативность фонем в формах В. п. и П. п. при отсутствии такой вариативности в форме Р. п. В форме В. п. возможны как

фонемы /a/, так и /i/ (и, если допустить возможность влияния орфографии на произношение при чтении, фонема /e/). В форме П. п. также возможны фонемы /e/ и /i/. Поэтому при ожидании данных форм будет шире диапазон реализаций, которые рассматриваются как подходящие. Для формы Р. п. система не предусматривает такой вариативности, поэтому при восприятии этот диапазон меньше.

2. Носители, ориентируясь на орфографию, ожидают в форме Р. падежа ср. рода появление звука, который ассоциируется у них с графемой **я** (ассоциация задается при обучении чтению, когда ребенку объясняется, что после согласных **я** читается как **а**, т. е. как реализация /a/ в изолированной позиции и под ударением). Когда носители, настроившись на «эталон» слышат звук, от него отличающийся, они не воспринимают его как «правильный». Для графемы **е** такая ассоциация может быть нарушена большим количеством случаев, когда этой графемой обозначается фонема /i/.

3. При восприятии речи носители ориентируются в том числе и на длительность гласного. Длительность гласных нижнего подъема больше, чем длительность гласных верхнего подъема, поэтому, ожидая форму с гласным /a/, носители языка, могут не опознать гласный как реализацию /a/, если его длительность короче ожидаемой. Такое же предположение высказывали Л. В. Бондарко и Л. А. Вербицкая [Бондарко, Вербицкая 1973 : 44].

4. Причина может лежать за пределами фонологии: например, не исключено, что на восприятие окончаний может влиять наличие предлога (при этом разные предлоги могут оказывать разное влияние). Кроме того, в данном эксперименте опущенному существительному в форме И. п. предшествовало прилагательное, что тоже могло повлиять на восприятие. Могла сыграть роль частотность падежей, их маркированность в различных отношениях.

Несомненно, все эти предположения требуют дальнейшей экспериментальной проверки. Однако на данном этапе хочется указать на то,

что разница в восприятии при ожидании разных форм сама по себе указывает на наличие некоторых различий в этих формах.

Способы усовершенствования методики проведения эксперимента

Следует указать на некоторые ошибки, совершенные при проведении эксперимента, и способы их устранения.

- Как уже было указано выше, для лексемы *горе* был выбран неудачный контекст П. п.: «Мы вместе и в радости, и в горе».
- Для Р. п. тоже следовало добиться единообразия контекста: составить все контексты с предлогом «без» или же все контексты со словом «нет».
- Возможно, для сравнения с П. п. следовало бы выбрать В. п., а не И. п., чтобы исключить возможное влияние наличия/отсутствия предлога на опознавание формы.
- Для прочтения диктором следовало подготовить связный текст, а не набор предложений. Это обеспечило бы большую естественность речи (а также отсутствие перечислительной интонации). Чтобы отвлечь внимание диктора от орфографии, следовало бы поместить в скобки не только формы, которые потом использовались в качестве стимулов, но и другие лексемы. Или заменить в тексте часть слов изображениями.
- Следовало бы провести специальный эксперимент, в ходе которого бы проверялось, различают ли носители /a/ и /i/ в заударных слогах после мягких согласных в других минимальных парах, например, в формах ед. и мн. ч. ж. р. (*няня* и *няни*).

Эксперимент 2.

Целью второго эксперимента проверка возможности различения форм В. п. и П. п. самим говорящим. За основу была взята методика, предложенная в [Вопросник 1960].

Было составлено два задания на сравнение конечного гласного пар В. п. и П. п.. с гласным, который ассоциируется а) с графемой И; 2) с графемой А.

В первом случае были даны предложения: 1) *Крестьяне засеяли поле.* 2) *Крестьяне заботились о своем поле.* Вопрос был сформулирован следующим образом: «В каком из случаев конечный звук слова «поле» больше похож на И?». Во втором случае были предъявлены предложения «*Рыбак закинул невод в море*», «*Ребёнок никогда не плавал в море*» и был задан вопрос «В каком из случаев конечный звук слова «море» больше похож на А?».

Для каждого вопроса было предложено 5 вариантов ответа (см. Приложение 3):

- А) В первом случае;
- Б) Во втором случае;
- В) Конечный звук похож на И /А в обоих случаях;
- Г) Конечный звук не похож на И / А ни в одном из случаев;
- Д) Затрудняюсь ответить.

Кроме того, информантам было предложено оставить комментарий к опросу (по желанию).

Гипотеза

Несмотря на одинаковый графический облик слов, при ответе на первый будут получены ответы Б (конечный звук больше похож на И в форме П. п.), что будет свидетельствовать о том, что формы различаются, и в В. п. выступает фонема, отличная от /i/.

На второй вопрос могут быть получены ответы А (конечный звук больше похож на А в форме И. п.), что будет свидетельствовать о сохранении /a/ в форме В. п..

Проведение опроса

Вопросы были предложены группе студентов, принимавших участие в эксперименте 1. На ответы давалось около 2-3 минут.

Результаты эксперимента

Рис. 1. Результаты опроса

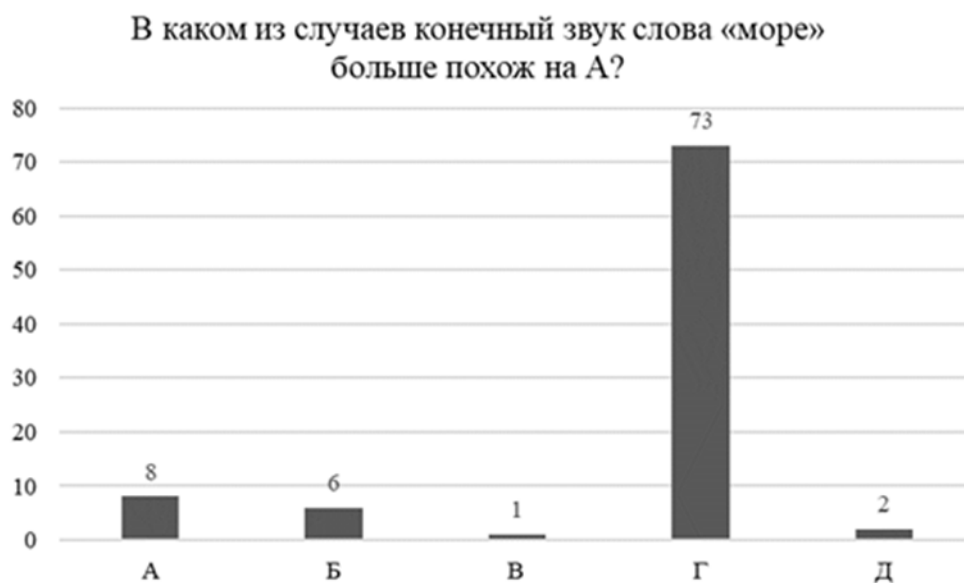
А. Крестьяне засеяли поле

Б. Крестьяне заботились о своем поле

В. Конечный звук похож на И в обоих случаях

Г. Конечный звук не похож на И ни в одном из случаев.

Д. Затрудняюсь ответить

А. Рыбак закинул невод в море

Б. Ребёнок никогда не плавал в море

В. Конечный звук похож на А в обоих случаях

Г. Конечный звук не похож на А ни в одном из случаев.

Д. Затрудняюсь ответить

При ответе на вопрос о том, в каком из случаев гласный больше похож на **и**, 31 участник указал форму **П. п.** (что составляет около трети всех опрошенных), что может рассматриваться как подтверждение гипотезы о различии двух форм при наличии /i/ в **П. п.**.

Ответ «конечный гласный похож на **И** в обоих случаях» мог бы стать аргументом в пользу утверждения о действии иканья (неразличения фонем при совпадении их с /i/). Однако таких ответов было получено всего 7, в то время как 40 информантов указало, что звук не похож на **И** ни в одном из случаев.

Для второго вопроса большинство информантов (73 из 90) выбрало вариант «ни в одном из случаев».

Второй вопрос вызвал больше затруднений у информантов. Об этом свидетельствуют не только ответы **Д** («затрудняюсь ответить»), которых не было получено для первого вопроса, но и некоторые комментарии:

- «Если первый вопрос заставил подумать, то во втором вопросе вообще непонятно как можно **А** услышать» (в обоих вопросах был выбран ответ **Г**).
- «Почему "е" должен быть похож на "а"? Это весьма неожиданно». (были выбраны ответы **Б** и **Г**).

Комментарии также подтверждают влияние орфографии на представление о фонетической реализации слова:

- «Я литред и корректор, произношу так же, как пишу, поэтому для меня довольно трудно произнести слово ближе к орфоэпическим нормам, чем к орфографическим».

Не совсем ясно, как в представлении информанта соотносятся орфографические и орфоэпические нормы. Были выбраны ответы **Б** и **Г** – получается, что несмотря на утверждение информанта о том, что он говорит, как пишет, он допускает произношение, отличное от основного правила чтения буквы **е** (т.е. реализации /e/).

Несколько носителей, ответивших, что гласный не похож на И и А, в комментариях выражали удивление:

- «Нигде не слышала “спрашиваемые” звуки».
- «Удивлена, что в подобных случаях можно произносить слова так, чтобы ответить на эти вопросы по-другому».

Также был получен комментарий, в котором указывались случаи ошибочных написаний:

- «Хороший опрос, одна моя подружка постоянно путает буквы "е" и "и" в таких предложениях, как "крестьяне работали в поле(и)" или "я пошла в гости к оле(и)" и меня это бесит».

Стоит отметить, что в обоих приведенных примерах ошибочных написаний **и** появляется на месте старого /ê/. При этом в анкете было указано, что гласный больше похож на И в форме П. п.

Итак, результаты опроса показали, что несмотря на одинаковый графический облик слов, некоторые носители могут различить формы В. п. и П. п. в собственном произношении. Носители указывали, что гласный окончания П. п. похож на звук, с которым ассоциируется графема **и**, из чего можно сделать вывод, что в форме В. п. выступает фонема, отличная от /i/. Однако носители не воспринимают эту фонему как /a/ - для вопроса о схожести конечного гласного с [a] всего 8 человек из 90 выбрало вариант с формой В. п..

Однако влияние орфографии на представления о звуковом облике слова все равно значительно: при том, что в эксперименте 1 форма *Поли*, содержащая /i/, отмечается как подходящая при ожидаемых формах В. п. и П. п., в опросе большая часть участников указала, что конечный звук не похож на А/И ни в одной из этих форм.

Подобный эксперимент был проведен Е. И. Риехакайнен [Spiricheva, Riekhakaunen 2018], при этом методика большей степени соответствовала предложенной в [Вопросник 1960]. Были даны фразы «(Град падал) на это поле» и «(Работали) на этом поле». И предложено три варианта ответа: в

первом случае, во втором случае и формы не различаются. Формулировка третьего варианта не совсем совпадает с предложенной в «Вопроснике», где предполагалось, что в обоих случаях гласные походи на И. В нашем эксперименте был предложен и четвертый вариант: «Гласные не походи на И ни в одном из случаев»

Результаты опроса, проведенного Е. И. Риехакайнен, отличаются от результатов данного исследования. Из 100 опрошенных, 69 ответило, что гласный больше похож на [i] в форме П. п., 11 человек – что гласный больше похож на [i] в форме В. п. Вариант, что гласные не различаются, выбрало 20 человек.

Возможно, именно исключение из ответов варианта «Гласный не похож на и ни в одном из случаев», выбор которого обусловлен влиянием орфографии на представление носителя, позволило получить большее количество ответов о схожести с [i] в П. п. Также на большее количество ответов о различении форм могло повлиять предшествовавшее местоимение, формы которого в В. п. и П. п. различаются: *на это поле, на этом поле.*

Способы усовершенствования методики проведения эксперимента

При проведении подобного эксперимента в будущем следует задать информантам несколько дополнительных вопросов, выявляющих степень влияния орфографии на их представление о фонемном составе слова.

Для уменьшения влияние орфографии можно также задать вопрос в устной форме.

Выводы

Наиболее подходящим способом исследования возможности противопоставлений гласных в заударных позициях является сравнение минимальных пар. Методика проведения эксперимента, проверяющего возможность противопоставления гласных фонем в окончаниях, нуждается в дальнейшей разработке.

Для моделирования фонологической системы языка следует проводить комплексные исследования, проверяющие возможность различения фонем носителем как с позиции слушающего, так и с позиции говорящего.

Эксперимент, направленный на определение соответствия звучащей формы заданному контексту, показал, что при ожидании формы Р. п. ср. рода реакция носителей на стимул отличается от тех, которые наблюдаются при ожидании И. п. и П. п. При ожидании формы И. п. и П. п., формы, извлеченные из контекстов И. п., П. п. и Р. п. не различаются и отмечаются как подходящие. При ожидании Р. п. как неподходящая может обозначаться даже форма, извлеченная из того же контекста. Эти результаты не подтверждают выдвинутую гипотезу о различении /a/ и /i/.

Тем не менее, разная реакция носителей на стимул при ожидании форм И. п., П. п. и Р. п. ср. рода может говорить о том, что носителем все же проводится различение этих форм.

Около трети опрошенных отметило разницу в произношении форм В. п. и П. п. при большем сходстве с /i/ гласного, выступающего в окончании П. п. Эти данные говорят в пользу того, что в форме В. падежа выступает фонема, отличная от /i/. Однако эта фонема не ассоциируется у носителей с реализацией /a/, что показали результаты второго вопроса. Кроме того, результаты второго эксперимента показывают, что влияние орфографии в разной степени проявляется для разных носителей.

Таким образом, результаты экспериментов опровергают предположение о неразличении гласных неверхнего подъема после мягких согласных в заударных позициях.

Заключение

В работе рассмотрен вопрос о наборе фонем, возможном в заударном положении после мягких согласных.

Были проанализированы теоретические предпосылки к трактовке современного вокализма: понимание иканья как синхронического закона и гипотеза о влиянии морфологии на заударный вокализм.

Реконструирована история изменений гласных в заударных слогах.

Появление /a/ в форме И.п. / В.п. является результатом изменения /e/ в /o/ с последующим наложением аканья. Аналогия с твердым вариантом склонения создавала условия для осуществления перехода e/ в /o/ в конечных открытых слогах, аналогия с ударным вариантом удерживала его результаты при развитии еканья.

Таким образом, предстоит выяснить, сохраняется ли /a/ и /e/ в формах под влиянием морфологической аналогии или произошли изменения, связанные с распространением иканья.

Разработаны два эксперимента для изучения современного состояния, которые предполагали сравнение минимальных пар. Первый эксперимент был направлен на проверку различения фонем слушающим, второй – различения фонем говорящим.

Однако результаты первого эксперимента выявили зависимость не от гласного звучащей формы, а от контекста, который был предложен участникам эксперимента: если был дан контекст, подразумевавший появление слова в И. п. или П. п., большинством опрошенных все прозвучавшие формы были отмечены как подходящие, если же был дан контекст для Р. п., многие участники отвечали отрицательно, даже если прозвучавшая форма была вырезана из контекста Р. п.. С одной стороны, эти результаты не подтверждают гипотезу о сохранении различия старых /e/, /i/, /a/. С другой стороны, они свидетельствуют о том, что в сознании носителя

флексии Р. п. и П. п. ср. р не одинаковы, а значит, видимо, фонологически противопоставлены.

Результаты второго эксперимента показали, что формы И.п./В.п. и П. п. различаются, при этом в форме И. п. /В. п. выступает гласный, отличный от /i/.

В перспективы исследования входит проведение дополнительных экспериментов, нацеленных на проверку различения фонем слушающими.

Использованная литература

- Аванесов 1949 — Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. М., 1949.
- Аванесов 1972 — Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. 5-е изд., перераб. и доп. М., 1972.
- Бахтин 1890 — Бахтин Н. Н. Основы русского правописания. Правописание отдельных слов // Русский филологический вестник. 1890. № 4. С. 240–256.
- Богданова 2009 — Богданова Н. В. Произношение и транскрипция: Учебно-методическое пособие по современному русскому литературному языку. 2-е изд., исправл. и доп. СПб., 2009.
- Бондарко 1979 — Бондарко Л. В. Полезные признаки и иерархическая организация фонемной классификации // Звуковой строй русского языка. М., 1979. С. 20–26.
- Бондарко, Вербицкая 1973 — Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А. О фонетических характеристиках заударных флексий в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1973. № 1. С. 37–49.
- Бондарко, Вербицкая, Гордина, Зиндер, Касевич 1974 — Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В., Зиндер Л. Р., Касевич В. Б. Стили произношения и типы произнесения // Вопросы языкознания. 1974. № 2. С. 64-70.
- Борковский, Кузнецов 1965 — Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. 2-е изд. М., 1965.
- Брандт 1905 — Брандт Р. Ф. Нечто о правописной реформе // Русский филологический вестник. 1905. № 2. С. 11–19.
- Брюсов 1924 — Брюсов В. Я. Левизна Пушкина в рифмах // Печать и революция. 1924. Кн. 1.
- Брюсов 1923 — Брюсов В. Я. Среди стихов // Печать и революция. 1923. Кн. 1. 70-78.

- Бувальцева 1955 — Бувальцева М. Н. Говоры Белозерского района Вологодской области в современном состоянии и истории. Автореф. канд. дисс. МГУ, М., 1955
- Буланин 1970 — Буланин Л. Л. Фонетика современного русского языка. М., 1970.
- Булаховский 1958 — Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. 5-е изд. Киев, 1958.
- Васеко 1958 — Васеко Е.Ф. Из истории заударного вокализма в русском языке // Научные доклады высшей школы. Филол. науки. 1958. № 4. С. 84–96.
- Высоцкий 1973 — Высоцкий С. С. О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973. С. 17-41.
- Волоцкая 1961 — Волоцкая З.М. Некоторые явления безударного вокализма московского говора XVII – начала XIX века (на материале памятников лубочной литературы) // Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. М., 1961. С. 261–272.
- Вопросник 1960 — Вопросник по современному русскому литературному произношению: Инструкция / Отв. Ред. М. В. Панов. М., 1960.
- Галкина-Федорук, Горшкова, Шанский 1962 — Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М. Современный русский язык. Ч. 1. Лексикология. Фонетика. Словообразование. М., 1962.
- Гвоздев 1967 — Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. М., 1967.
- Гловинская 1966 — Гловинская М.Я. В защиту одного приема фонетического обследования // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966. С. 163-172.
- Гловинская, Ильина, Кузьмина, Панов 1970 — Гловинская М. Я., Ильина Н. Е., Кузьмина С.М., Панов М.В. О грамматических факторах развития фонетической системы современного русского языка // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1970. С. 20-32.

- Горшкова 1959 — Горшкова К. В. История безударного вокализма в московском просторечии // Вопросы истории русского языка. М., 1959.
- Горшкова 1972 — Горшкова К. В. Историческая диалектология русского языка. М., 1972.
- Греч 1834 — Греч Н. И. Практическая русская грамматика. 2-е изд. СПб, 1834.
- Зиндер 1979 — Зиндер Л. Р. Общая фонетика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1979.
- Иванов 1956 — Иванов В.В. Из истории безударного вокализма русского языка (аканье и сопутствующие ему явления в волоколамских говорах XV–XVIII вв.) // Вопросы истории русского языка. М., 1956. С. 36–66.
- Каринский 1909 — Каринский Н. М. Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909.
- Касаткин 1999 — Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Касевич 2006 — Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания // Касевич В. Б. Труды по языкознанию. Т. 1. СПб, 2006. С. 10–237.
- Князев, Пожарицкая 2011 — Князев С. В., Пожарицкая С. К. Современный русский литературный язык. Фонетика. Орфоэпия. Графика. Орфография. М., 2011.
- Князев 2007 — Князев С.В. Реализация конечных безударных гласных в русском языке как показатель просодического объединения фонетических слов внутри синтагмы // Фонетика сегодня: Материалы докладов и сообщений V Международной научной конференции 8–10 октября 2007 г. М., 2007.
- Колесов 2009 — Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 2009.
- Корш 1902 — Корш Ф. Е. О русском правописании / Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. 1902. № 1. С. 39–94.

- Котков 1974 — Котков С. И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974.
- Котков 1963 — Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии: (Фонетика и морфология). М., 1963.
- Кошутич 1919 — Кошутич Р. Грамматика русского языка. Петроград, 1919.
- Кузьмина 1966 — Кузьмина С.М. О фонетике ударных флексий // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966. С. 5–24.
- Овчаренко 1988 — Овчаренко Е. Б. Реализация и восприятие ударных морфных комплексов и функциональная нагрузка морфем (экспериментально-фонетическое исследование на материале русской словоформы). Автореф. канд. филол. наук. Л., 1988.
- Осипов, Батырева, Сухоцкая 1992 — Осипов Б. И., Батырева Л. П., Сухоцкая Е. Б. Взаимодействие фонетических и морфологических факторов в развитии падежных форм в русских акающих говорах XV–XVIII вв. // Фонетика и письмо в их развитии: Межвузовский сборник научных трудов. Омск, 1992. С. 30–39.
- Осипов, Николенко 1972 — Осипов Б.И., Николенко Б.Д. Наблюдения над произношением ударных гласных в современном русском языке // Фонетические и морфологические исследования по русскому языку. Барнаул, 1972. С. 19–24.
- Панов 2004 (1957) — Панов М.В. О влиянии грамматической аналогии на произносительные нормы в современном русском языке // М. В. Панов. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М., 2004. С. 479–513.
- Поливанов 1933 — Поливанов Е.Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент, 1933.
- Попов 2004 — Попов М.Б. Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка. СПб., 2004.
- Попов 2014 — Попов М.Б. Фонетика современного русского языка: Учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. СПб., 2014.

- Потебня 1866 — Потебня А. А. Два исследования о звуках русского языка. I. О полногласии, II. О звуковых особенностях русских наречий. Воронеж, 1866.
- Русаков 2013 — Русакова М.В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М., 2013.
- Русская диалектология 1964 — Русская диалектология / Под. ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М., 1964.
- Сидоров 1969 — Сидоров В. Н. Из русской исторической фонетики. М., 1969.
- Соболевский 1907 — Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907.
- Ушаков 1928 — Ушаков Д. Н. Русская орфоэпия и её задачи // Русская речь. 1928. №. 3. С. 5-27.
- Федченко 1971 — Федченко А.П. О некоторых московских материалах деловой письменности XVII в. // Русский язык. Источники для его изучения. М., 1971. С. 104-112.
- Фонетика СРЛЯ 1968 — Фонетика современного русского литературного языка: Русский язык и советское общество. Социо-лингвистическое исследование / Под. ред. М. В. Панова. М., 1968.
- Фонология речевой деятельности 2000 — Фонология речевой деятельности / Под. ред. Л. В. Бондарко. СПб, 2000.
- Черных 1953 — Черных П. Я. Язык уложения 1649 года. М., 1953.
- Чернышев 1908 — Чернышев В. И. Законы и правила русского произношения. Петроград, 1908.
- Холшевников 1989 — Холшевников В.Е. Из истории русской рифмы (от Ломоносова до Лермонтова)// Русская литература. 1989. №2. С. 41-52.
- Шахматов 1915 — Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
- Шахматов 1941 (1925) — Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. 4-е изд. М., 1941.

- Щерба 1957 — Щерба Л. В. К вопросу о русской орфографии // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 141-143.
- Щерба 1915 — Щерба Л. В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов // Записки нефилологического общества. Вып. 8. Петроград, 1915.
- Spiricheva, Riekhakaynen 2018 — Spiricheva M., Riekhakaynen E. Interpretation of final unstressed vowels after soft consonants in russian nouns: does morphology matter? // 5th International Scientific Conference Contemporary Research in Phonetics and Phonology: Methods Aspects and Problems. Abstracts. Riga, 2018.

Приложение 1.

Материалы эксперимента 1 (фразы, предложенные диктору)

Актрисе доставались лучшие ...(роль)

Беседка стояла посреди ...(сад)

В Чехии нет...(море)

Около этого села больше нет... (поле)

Гости собрались в нашем... (дом)

Девочка кормит бездомную...(кошка)

Крестьяне заботились о своем...(поле)

Мечтатель гоняется за синей...(птица)

Мы вместе и в радости и в...(горе)

Мы говорили о вишневом...(сад)

Мы часто гуляли здесь с... (брат)

На окне сидит рыжая...(кошка)

Над головой пролетели...(птица)

Ничто не предвещало...(буря)

Он плохо справился со своей...(роль)

Он покупает подарок для...(друг)

Он попросил не сообщать об этом...(зять)

Передо мной синее...(море)

Помещик гордится своим...(дом)

Ребенок никогда не плавал в...(море)

Теща напекла блинов для...(зять)

Тогда мы жили без...(горе)

Эта книга принадлежит моему...(друг)

У нас большое...(горе)

Это широкое...(поле)

Я гостил у...(тётя Поля)

Я долгое время не видел...(брат)

Приложение 2.

Материалы эксперимента 1 (анкеты, предложенные аудиторам)

Группа 1

Беседка стояла посреди...	
Я приехал погостить к...	
Это широкое...	
Мы часто гуляли здесь с...	
Ребенок никогда не плавал в...	
Я увидел на окне...	
Возле этого села больше нет...	
Ничто не предвещало...	
Помещик гордился своим...	
Девочка кормит бездомную...	
У нас большое...	
Он покупает подарок для...	
Он просил жену не говорить об этом...	
Над головой пролетели...	

15	В Чехии нет...	
16	Мы говорили о вишневом...	
17	Крестьяне заботились о своем...	
18	Он плохо справился со своей...	
19	Тёща напекла блинов для...	
20	Передо мной синее...	
21	Щенок гоняется за...	
22	Мы вместе и в радости и в ...	
23	Гости собрались в...	
24	Эта книга принадлежала моему...	
25	Актрисе доставались лучшие...	
26	Тогда мы жили без...	
27	Возле этого села больше нет...	
28	Домой пришлось возвращаться в ...	

Группа 2.

1	Беседка стояла посреди...	
2	Я приехал погостить к...	
3	Возле этого села больше нет...	
4	Мы часто гуляли здесь с...	
5	Передо мной синее...	
6	Я увидел на окне...	
7	Крестьяне заботились о своем...	
8	Ничто не предвещало...	
9	Помещик гордился своим...	
10	Девочка кормит бездомную...	
11	Тогда мы жили без...	
12	Он покупает подарок для...	
13	Он просил жену не говорить об этом...	
14	Над головой пролетели...	

15	Ребенок никогда не плавал в...	
16	Мы говорили о вишневом...	
17	Это широкое...	
18	Он плохо справился со своей...	
19	Тёща напекла блинов для...	
20	В Чехии нет...	
21	Щенок гоняется за...	
22	У нас большое...	
23	Гости собрались в...	
24	Эта книга принадлежала моему...	
25	Актрисе доставались лучшие...	
26	Мы вместе и в радости и в ...	
27	Это широкое...	
28	Домой пришлось возвращаться в ...	

Группа 3.

1	Беседка стояла посреди...	
2	Я приехал погостить к...	
3	Крестьяне заботились о своем...	
4	Мы часто гуляли здесь с...	
5	В Чехии нет...	
6	Я увидел на окне...	
7	Это широкое...	
8	Ничто не предвещало...	
9	Помещик гордился своим...	
10	Девочка кормит бездомную...	
11	Мы вместе и в радости и в ...	
12	Он покупает подарок для...	
13	Он просил жену не говорить об этом...	
14	Над головой пролетели...	

15	Передо мной синее...	
16	Мы говорили о вишневом...	
17	Возле этого села больше нет...	
18	Он плохо справился со своей...	
19	Тёща напекла блинов для...	
20	Ребенок никогда не плавал в...	
21	Щенок гоняется за...	
22	Тогда мы жили без...	
34	Гости собрались в...	
24	Эта книга принадлежала моему...	
25	Актрисе доставались лучшие...	
26	У нас большое...	
27	Крестьяне заботились о своем...	
28	Домой пришлось возвращаться в ...	

Приложение 3.

Материалы эксперимента 2

В каком из случаев последний гласный слова «поле» больше похож на И?

А. *Крестьяне засеяли поле*

Б. *Крестьяне заботились о своем поле*

В. Конечный звук похож на И в обоих случаях

Г. Конечный звук не похож на И ни в одном из случаев.

Д. Затрудняюсь ответить

В каком из случаев конечный гласный слова «море» больше похож на А?

А. *Рыбак закинул невод в море*

Б. *Ребёнок никогда не плавал в море*

В. Конечный звук похож на А в обоих случаях

Г. Конечный звук не похож на А ни в одном из случаев.

Д. Затрудняюсь ответить

Оставьте, пожалуйста, комментарий к опросу (по желанию):